

РАБОЧИЙ —
ДОЛЖНОСТЬ
ТВОРЧЕСКАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТРАВД», МОСКВА

№ 3 ФЕВРАЛЬ 1971

СМЕНА

Рабочая трибуна «Смены»: ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ — НАШЕ МАСТЕРСТВО И ПОИСК. РАЗМЫШЛЕНИЯ НАКАНУНЕ XXIV СЪЕЗДА КПСС

А прощальных речей не было. И платком ничего не махал. Провожали молча. И каждый думал о чем-то своем, глядя на этот состав, увозящий то, что почти в течение года было и радостью их и болью.

И победой, наконец, поехали. А вагоны медленно по мосту над все еще замерзшей, парящей Окою, потону заскользили по болот равнине, издали покоемо на цепочку лимонино, и расстали на фоне сияющего дала хвойного леса.

— Все! — выдохнул Александр Иванович, как будто тому поставил. — Восемь месяцев с ним возился, ночью не спал. Потому и расстался с ним с родным. Как будто часть себя унес.

Уехали состав, нагруженный тысячами тонн металла, опутанного нервными проводами, натянченными различными датчиками, счетчиками, электронной аппаратурой. И когда соберут его на каком-то другом заводе и опенут десятки моторов, приваривших в движенье пазаншюк, резы, гидравлические насосы, начнется новая жизнь уникального станка.

У Коломенского завода тяжелого станкостроения всемирно известная марка. Заказы сюда поступают из самых разных стран, привозят металл, прокатанный, станочники с различных предприятий. «Не смогли бы вы нам сделать?» — И знают: коломенцы сделают. Его называют «городом в городе». Идеологи бесчисленных цехов, раскинувшихся на берегу Оки,

проходящих по аллеям и сиверам — действительно город со своими транспортными прохаживаю, со своим транспортом.

А еще его называют «заводом заводов». Момент Быть, это и сильно сказано, но один наш станок действительно может заменить пусть не завод, а уж какой-нибудь цех точно.

Александр Иванович рубит воздух рукой. Видит его в работе: он весь из танков движенин, на первый взгляд главных, нетеропильных, а в итоге очень сильных и точных.

Борис Адаева по меткам сверлит отверстия в корпусу будущего станка. Сверло скользит по металлу, оставляя известную борозду.

— А ты не жми, не жми так, силы покажешь, — не поучает, а как бы просит бригадира. — Ты его придирился сначала, поправь, дай врезаться. — И сам берет в руку сверло, и движенин его становится иррадиационным, что ли, а ирло сверла выплескивается радужный завиток стружки. — Вот так это, так. — И уже вичится в другой конец цеха, где все заняты подготовкой к генеральной уборке.

Сборочный цех большой, просторный, светлый. Пролетает над головой громадные узлы и детали больших станков — краны переносят их к месту сборки, извешивают пневматическим сверла, заглушают шум кондиционера. Станки здесь собирают высокоточные. И на их точность, не влият шум и вибрация от работы других станков, мостовых кранов, различного оборудования. Потому что новые станки поются на мощных виброополнителях. Но эти многотонные машины очень чувствительны и колебания температуры. Изменяется она на один градус — и «летят» мирыны.

Отцы попробуй. Потому здесь всегда плюс восемнадцати. Ни больше ни меньше.

После смены мы идем по тизкам, засиянным улицам Коломны. Снежинки, как бабочки, кружатся у фонарей. Падают темнота на плечи домов. Редкий прохаживый промелькнет на перекрестке.

— Видишь, какой у нас город тихий. Кто на заводе работает за станком, кто у телевизора — жонкей сегодня, а большинство, это я точно скажу, за партами. У нас в цехе вторую смену собирать — намучаются. Кто в школе, кто в техникуме, а у третьего поколенца в институте. Да прибавь к этому кружки различные да курсы.

— Этим теперь никого не удивишь.

— Я и не пытаюсь. А у третього поколенца застывает. А вот сам иногда удивляюсь. Смотрю на парня какого-нибудь. Он и не работает все выкладывается, в институт ни техникум по вечерам богат, а у третьего поколенца в Дом культуры — он на сцене четкую вышибает. Жадные до жизни ребята пошли. Эту жадность, неверно, можно назвать творчеством. По крайней мере она воспитывает творческое отношение к труду, помогает человеку становиться личностью. Трудно проследить зависимость выполнения дневной нормы станочником от отношения рабочего живописно, но то, что оно существует, несомненно.

ТВОРЧЕСТВО

С Героем Социалистического Труда, депутатом Верховного Совета СССР, бригадиром слесарей-сборщиков ордена Трудового Красного Знамени Коломенского завода тяжелого станкостроения Александром Ивановичем ФЕДОСЕЕВЫМ беседует специальный корреспондент «Смены» Анатолий Баранов

— Но это же не значит, что инноватор будет обязательно рациональнее? А в чем тогда преимущество? Например, сделает изобретение.

— Конечно, нет. Я ведь говорю не о техническом творчестве, а о творческом отношении к труду, о желании сделать свою работу лучше, быстрее, качественнее, красивее. Это желание и толкает человека на поиски усовершенствований.

Ваши станки настолько сложные, что сборщику, вне зависимости, приходится только строго исполнять то, что ему предписано технологией. Только от и до.

— Нет, нет. Вот недавно получили мы заказчик нового станка, и детали пошли. Стали наши слесари так и здак прикидывать. Видим, одна деталь ни к чему здесь. Что-то вроде механического украшения. Обойтись без нее можно, а заказчик не хочет. Станок только выигрывает от такой потери. Вызвали конструктора, объясняем ему, что и как; и замек, разговор на равных идет с расчетом. Станок не изменили. Убедили. Эти станки ведь требуют серьезных знаний не только от конструкторов, но и от рабочих.

— Не это случай особый. Тут своего соавторства. А я говорю о строгом исполнении технологии, тщательном воплощении конструкторской мысли в металл. Может ли вот такая работа быть творческой?

— Несомненно. Каждый новый станок наш не похож на предыдущий. Если мы делаем два-три одинаковых станка, это уже «большая» серия. Так вот, частое обновление продукции обязывает нас следить за развитием станкостроения, быть в курсе всего нового. Это уже предполагает творческий рост человека. И если даже сборщик нового не вносит в проект станка, он не просто исполнитель чужой воли. Под его руками рождается новая, красивая, сильная машина, которую он изобрел, как ребека. Разве это не радость? Творческое отношение к работе — это же интерес к тому, что ты делаешь.

— У слесарей-сборщиков всегда разнообразная работа. Разнообразна не надеждат. Наоборот, располагает к

понеска. А мановы же станочнику, историчу из смены в смысле делает овалу и ту же деталь?

— Конечно, если он видит только эту деталь, радости мало. Человек должен видеть больше. Видеть и дальние итоги своей работы, чувствовать общественную целесообразность своего труда. Помнишь, как прождали станок? Там ведь не только сборщики были. Люди из других цехов приходили. Один для этого станка и машину делал, а второй огромный корпус отпил. И каждый из них знает, что это ЕГО станок.

— Но вот это творческая настройка на работу, зависит ли он от возраста, опыта, знания?

— Как-то не приходилось задумываться над этим. Умение от опыта зависит, это точно. А творческое отношение и делу? Тут истинно нужно скорее всего искать в воспитании человека, в его сознании. Ведь работу у за станком надо понимать не просто как производительный труд, но и как общественную деятельность человека. Нет, дело не в возрасте. Стоит иной раз у станка, детали отсчитывает да в уме их на исполнение пересчитывает для него труда — лишь достижение средств к жизни. Не больше. А вот на прохождение у нас мальчишка задержался. Машинку деталь выносил. Конечно, непорядок это с формаль-

ровать причины ухода рабочих с предприятия? Ведь и в наши дни завод уходит, несмотря на то, что вы станки унимаемые выпускаете.

— Уходит. Причины разные. Мне со стороны из уходящих говорить приходилось. Особенно с молодыми. И микто не сказал, что из-за денег. Рабочие у нас неплохо зарабатывают. Чаще всего уходит, потому что работа не устраивает.

Полгода у нас проробал паренек один и заявление написал — собрался уйти. Разговорились мы с ним, оказывается, он и завода не знал толком. Набавился ему в энкурсовое повин-ствие. Надо помочь молодому человеку разглядеть в его работе изюминку, то зерно, из которого вырастает и любовь к своей профессии и ощущение радости от труда. Рабочий у нас — должность творческая.

— Я и не говорю о легкости. Но надо, чтобы человек видел и знал не только свой станок. И если он внутри нашей работы не разглядит, только мы, его окружающие, и виноваты. Я честно считаю, что в доброй половине заполненных «бегунок» повин-ствие старшие. Надо помочь молодому человеку разглядеть в его работе изюминку, то зерно, из которого вырастает и любовь к своей профессии и ощущение радости от труда. Рабочий у нас — должность творческая.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 3 (1049)
ФЕВРАЛЬ
1971

**ИША ОБЛОЖКА:
МОЛОДЫЕ РАБОЧЕ
МОЛОДЕЖНОГО ЗАВО
ДА ТЯЖЕЛОГО СТАН
ДОСТРОЕНИЯ ЮРИ
ИШАКОВ И ВИКТО
РМИНАЕВ. ОНИ СОБ
РАТАЮТ УНИКАЛЬНЫЕ
СТАНКИ.**

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

2
**ШКОЛА МИЛОСЕРДИЯ.
ФОТОЧЕРК О КИШИНЕВ
СКОМ МЕДИЦИНСКОМ
УЧИЛИЩЕ.**

6
**НОВЕЛЛЫ МОЛОДЫХ
СИБИРСКИХ ПРОЗАИКОВ
ГЕННАДИЯ МАШИНА И
ВИКТОРА ЧГУНОВА.**

12
**«РАКЕТЫ НАД ОСТРОВИМ».
РЕПОРТАЖ ОБ
ИССЛЕДОВАТЕЛЯХ
АРКТИКИ.**

16
**ЗАМПОЛИТ
АНАТОЛИЙ ГРАЧЕВ:
ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ЗАСТАВЕ.**

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**НАВСТРЕЧУ XXIV СЪЕЗДУ КПСС.
РЕПОРТАЖ ИЗ УСТЬ-ИЛИМА — ВСЕСОЮЗНОЕ
УДАРНОЕ КОМСОМОЛЬСКОЕ СТРОИКО**

**МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА С. М. БУДЕННЫЙ
РАССКАЗЫВАЕТ О СВОЕМ БОЕВОМ ОРУЖИИ**

**БЕЛАЯ СТИХИЯ СНЕГА.
ГЛАЗАМИ ГОРНОЛЮБНИКА**

Главный редактор А. Д. ГОЛУБОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕКТИВА: В. С. Абашиш, Г. П. Егоров, К. И. Захаров, А. П. Ку-
лашов, А. А. Лихнов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [зас-
татель главного редактора], Р. И. Ромодановский, Е. И. Рыбников,
Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Ступов [главный художник],
В. Е. Томащевский.

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Вудкина

ной точкой зрения! Но начали разбираться: что да почему? И выяснилось: котел парень перед дружкойм да домашним поговастыся — первую деталь сама выточил. Всю смену над ней мучился. Не оправдание это для вышедшей детали, но ведь искренний и хороший парень молодого парня тоже со счетов сбрасывать неверно! Вот и сравни эти двух рабочих!

— Но если подходить к делу чисто прагматично, первый даст приблизительно больше пользы.
— Демонку производству, может быть. Но не государству.
— Нет ли здесь противоречия?

— Из противоречий жизнь складывается. Так вот, предприятие важно выполнять план. Конечно, не все равно какой ценой, но важно. Да и государство в этом заинтересовано. Но в то же время страна наша заботится не только о развитии производства, но и о развитии личности. Для нее этот мальчишка — будущее.

— Вот мы говорили с вами о предприятии, заинтересованном только в плане.

— Таких предприятий нет. Есть такие, которые производят. И именно они находятся в противоречии с государственными интересами. Правда, их, думаю, совсем мало осталось. Время другое.

Значит, предприятие так же, как и государство, заинтересовано не только в выполнении плана, но и в развитии творческого работника.

— В последние годы на многих предприятиях составляются планы социального развития. Благодаря им каждый работник может увидеть, что ждет его на работе через год-два, даже через десять. Он может определить свои усилия, направленные на создание своего будущего, и его достижение своей цели, и ту помощь, которую окажет ему предприятие, чтобы усилия эти оставались ненепрошлыми.

— Наверное, осознание реальной перспективы значительно спонрият технику кадров.
— Конечно.
— Не приходилось ли вам анализиро-

прогуливая, не опаздывая, не пьянствуя. А чем он живет, о чем думает, о чем мечтает — его личное дело. В воспитании все главное, мелочей нет.

— Ваш завод давно перешел на новую систему планирования. Как эта реформа сказалась на творческом росте рабочих?

— Рабочий теперь во все «лезет». Его все интересует. Ему хочется, чтобы и бригада его на виду была, и цех, и сам он. И это не цдшевляем объясняется.

— Ну, творческая совсем не плохое качество, когда оно выступает как стремление и самоутверждению, как желание почувствовать себя творцом.

— Правильно. Такое желание даже подогревать надо, направлять. В последние дни вот много уделял внимания материальным стимулам...

— То, что удручает много внимания, неплохо. Деньги еще никто не отменял. Плохо, что кое-кто думает только материальной заинтересованностью объяснить все. Плохо, что мы меньше внимания уделяем, психологию, воспитанию эмоций. А великие эмоции рождаются в большом деле. Знать, как наши рабочие загорелись после обсуждения известного письма об экономии и бережливости? Сидим мы в цеховой столовой — там собрана у нас группа. Предложение — все: стороны слышались, как будто идет совещание инженеров или научных работников. И предложений-то интересных много было.

— Например?

— Вот курсовые школьники наши предложили заменить шабровку — а работа эта ручная, точная, самая тяжелая у слесаря — так, значит, предложили они заменить шабровку направляющим стержнем одного станка чистовым точником на курсельном станке. Все внесли с тех пор больше ста предложений. И учти, это только в нашем цехе.

— Многие ли из того, что предложения рационализаторов, внедрено в производство?

— Раньше иногда случалось, что подав рационализатор свое предложение, его похвалили, премию выдали, а в цехе все, как прежде. Теперь мало идею подать, надо оживить ее. У нас на каждое предложение специальная карточка заводится. Экономист цеха Нина Морозова выдает эти карточки, следит за внедрением. Десятилето три предложения рабочих нашего цеха уже использованы. Они позволили нам сэкономить почти восемь тысяч нормо-часов. Но главный итог не в этом. Важно, что каждый третий у нас стал рационализатором. Люди искать начинают, задумываться стали над тем, мимо чего раньше спокойно проходили. Вот комсомольцы наши спрашивали: почему нет в цехе счетчиков пара, воды, электроэнергии? Раньше мы на это внимания не обращали. Казалось, зачем ставить их в цехе, если есть общезаводские... — Действительно, почему? Ведь затраты на их установку могут и не окупиться той экономией, которую они дадут.

— Точно. Экономисты подсчитали, что затраты съедят экономию. Но есть и другой итог. Из каждого дела надо извлекать воспитательный эффект. А раз эти счетчики не будут воспитывать чувство хозяйской рачительности, бережливости? Думаю, да.

— Александр Иванович, ведь и ваша фамилия в списке рационализаторов завода.

— Не только моя, всей бригады.

— А как вы лично стали рационализатором?

— Собрал на Новораздатском заводе наш станок. Большой станок для обработки шестерен диаметром от пяти до восьми метров. Система смазки деталей станка была очень сложной. Маленьких медных трубочек там, по которым масло смазочное подается, — закрутились. К каждой смонтировал комсомольский бригадир. Собрал эти трубочки, мучился. И вижу вдруг: на асфальтовом полу же-

лобки для стока воды, соединенные друг с другом. Вот думаю, такие общающиеся желобки и на станке бы сделать. Но очень уж просто получалось. Простота эта поначалу и испугала меня. А потом на заводе возникла, конструктором рассказав, и уже следующий станок был с моей системой смазки. Самому же пришлось и собирать его.

— Вот мы сказали, что каждый третий рабочий в цехе — рационализатор. А рационализаторов предположим, гораздо меньше. Чем это объясните?

— Русской поговоркой моя — хорошо, а два — лучше». Производство у нас сложное. Одному чаще всего не подить какую-то идею большую. А если каждый что-то подкажет, смонтирует, дело пойдет гораздо быстрее. У нас в последние время все бригадой делается. Кто-то предложил идею, обговорили ее все вместе, рассчитали, а потом уже и заехали. Мы все вместе разработали и внедрили принципиально новый метод разгрузки направляющих планшайбы. Узел сложный. Мы его значительно упростили, в размерах уменьшили, а работать он стал гораздо надежнее. Даже не помню, кто из бригады первым предложил это усовершенствование. Да и название это. Одному человеку такая работа была все равно не под силу, а бригадой мы с ней довольно быстро управились.

— А если предложение простое?

— Мы ведь и рационализацию рассматриваем как один из методов воспитания творческого начала в человеке. Видел у нас молодца в бригаде? Борис Адаев и Лева Ефремов только начинают свою рабочую биографию. И важно им сразу почувствовать себя в бригаде необходимыми, равными. Тогда они и мастерству лучших ступень упорнее подтягиваются. И если я скажу им, что вот, ребята, есть такая идея, примните, как лучше нам с ней обернуться, они же спать-есть не будут. И если сами не решат, не страшно. Вместе подумаем. Но для них эта работа будет много значить.

— Вы все бригадные вопросы решаете вместе?

— Конечно. И даже такие, где, казалось, можно было бы обойтись только моим решением как бригадиром. Когда подводят итоги соревнований, лучшего тоже называет бригада. И обязательство мы так принимаем. Сообща все взвесим, подсчитаем, распишем, что сегодня сделать, а что завтра. И если мы обязательно взяли, выполним его, потому что не с потолка списали. Хуже нет, когда человек принимает обязательство, не обдумав его, не подсчитав своих сил и возможностей.

— Какие обязательства вы взяли?

— Каждый член бригады должен сэкономить не менее семидесяти нормо-часов. Да еще индивидуально: кому курсы закончить, кому на очередной разряд сдать. Представляете, что такое семидесять часов? Декада целая! Тут на каждой операции надо экономить где час, где десять, а где минуток всего. Но главное — за счет инициативы, творческого подхода к работе.

А комсомольцы цеха еще взяли шефство над курсовыми-шрифтовальными станком особой точности. Станок экспериментальный. Ведь и в плане цеха не было. А комсомольцы настояли, доказали, что смогут сделать. И вину, как растет этот станок, К съезду партии думают, он будет продукцией выпуска.

В первые дни войны пятнадцатилетний Александр Федосев стал к слесарному мастеру. В январе сорвал третью, закручивая маломощного винтика по резьбам и разогнанным, ушел на фронт. И только в следующем сентябре солдатскую гимнастику на юбилейном станке бригады не любил: воевал, ранен был, снова воевал. О заводе же и своей бригаде комект говорить? Все ночью. Задача для него — существование оубежище.

— Я привираю, но мне, приняла, мисом присос. Он стал моею жизнью.

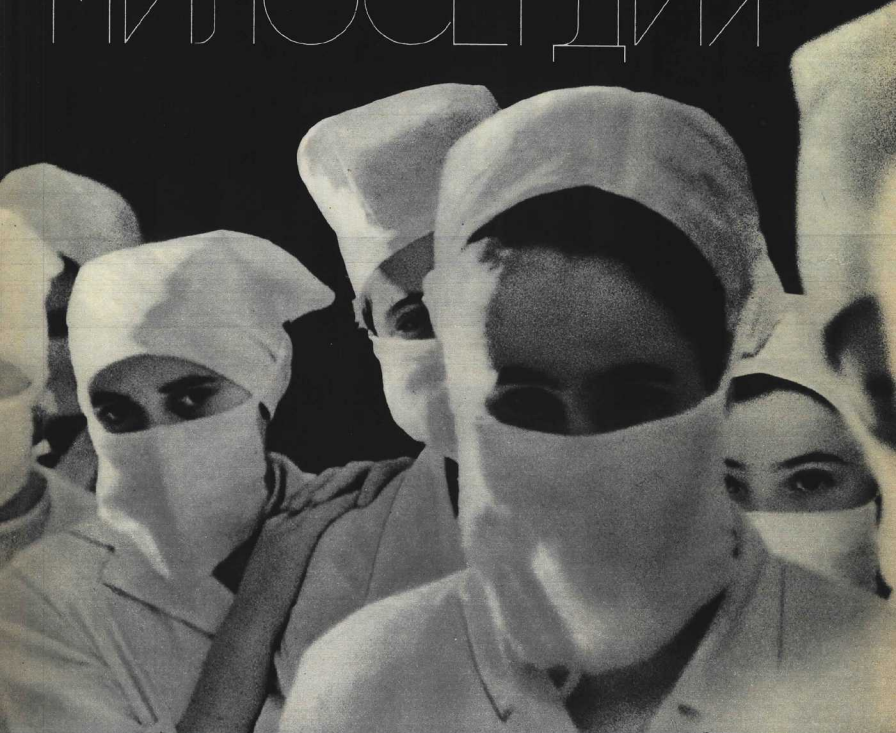
Твой професси

ашина свернула на Широкую улицу, уже короткой, если верить такситу, в Кипшевие нет («Нет ни уже, ни хужее» — обрывается он наивной поймавшей рифме). И вот мы уже в пригороде, который вполне мог бы называться Молдиченским городком, потому что рядом уже разместилась онкологический институт, станция переливания крови, чтеще больницы, неврологический диспансер, респуб-

Анатолий ПИНЧУК, Сергей ПЕТРУХИН [фото]

МИЛОСЕРДИЯ

диканская санпидстанция, общежитие и несколько факультетов медицинского института. Достраивается и высотное — 16 этажей — здание республиканской клинической больницы.

А вот и оно, Кишиневское базовое медицинское училище. Дом этот и внутри и извне вполне хорош (хотя и не очень еще обжит, потому что новоселье училище справил недавно). Классные комнаты (16 аудиторий и 19 лабораторий) велики, но уютны; отличный спортзал; привокити трафарет «Привет участникам соревнований!» — и можно смело проводить чемпионаты, хочешь — городские, хочешь — республиканские; автовый зал, тот просто великолепен; библиотека — 28 тысяч томов — и просторная читальня; столовая, внешним видом похожая на молодежное кафе, но выгодно отличающаяся от него ценами.

Путешествие по училищу и просьбы моих гидов — директора Раисы Агагольцовой Павало («Обязательно похвалите работников «Модульпристроа»: это благодаря им, их энергии наше училище получилось краше рижского, которое было взято за образец!») и завуча Петра Васильевича Цуркана («Обратили внимание на качество оборудования? Болгары — спасибо им — за славу поработали!») — все шло своим чередом.

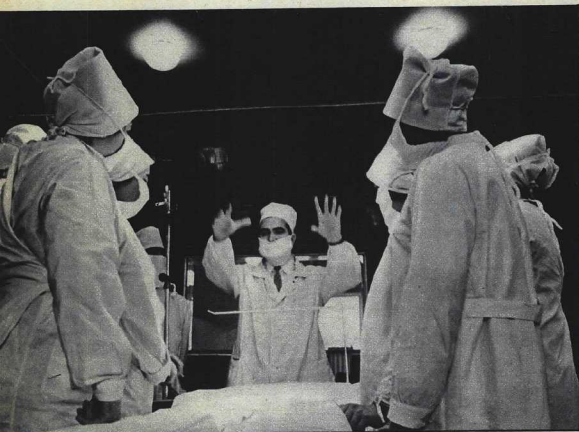
Получив задание написать о Кишиневском медицинском училище, я стал само внимание, не человек, а воспитательный знак — стал дознаваться у разбравшихся людей, что есть что. Мне повезло: среди них были толковые люди.

Один рассказал мне о том, что являла собой медицина в здеjších местах каких-нибудь три-

дцать лет назад. «Проведи параллель: сравнение выигрывает», — дал он мне совет.

Верно, выигрывает, решил я, но нельзя объять необъятное, а мне больше понравилась тема, подсказанная другим советчиком. Одна из важнейших проблем в медицине сегодняшнего дня — проблема среднего звена. «Врачи хотят быть многие, а вот в медресах идут без всякой охоты, — учил он меня уму-разуму. — Узнай, много ли желающих попасть в училище, или идут те, кто не прорвался в институт? Многие ли собираются идти после училища в институт? Если процент высок, с решением проблемы, сам понимаешь, дела обстоят неважно. Уже знакомый вам Цуркан за каких-то десять минут ответил на все мои вопросы.

— У нас 1 380 учащихся, 1 072 из них пришли, окончив восемь классов, 308 — со средним

Кандидат медицинских наук Павел Новиков Тобану проводит занятия по хирургии с будущими операционными сестрами.

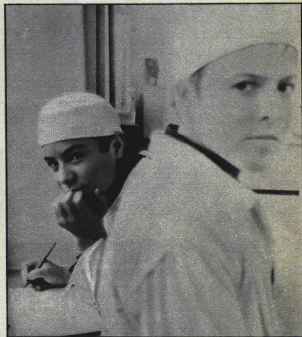
— Я? Да. Здесь и родился и все время живу... А что?

— Сколько вам лет?

— Тридцать восемь.

...Значит, тогда ему было пять. А другому человеку тогда уже было сорок один. Пурани: «Обязательно познакомьтесь с Верковичем. Какой это человек! И как он любит детей!» Пакало, директор училища: «Если бы можно было передать другим доброту Верковича, его отношение к людям и делу!»

Он врач, педагог, им переведена на молдав-

образованием. Мы особенно заинтересованы в тех, кто приходит после восьмого класса: они больше времени будут находиться в училище и, следовательно, больше преуспеют. К тому же в них мы уверены: они пришли не потому, что не попали в институт. У нас 115 преподавателей. Разумеется, все с высшим образованием. В училище четыре отделения: фельдшерское, сифилдшерское, фармацевтическое и медестринское. Самое крупное — медестринское. Из 376 выпускников 1971 года 161 — с этого отделения, 100 — с фармацевтического, 78 — с сифилдшерского и 37 — с фельдшерского.

— А какая разница между фельдшерским отделением и сифилдшерским?

— Санитарный фельдшер, как правило, работает на санитарной станции или осуществляет контроль на производстве. В его задачу входит предупреждение заболеваний.

— Петр Васильевич, я разговаривала с учащимися. И вот что получается. Из 27 человек только двое сказали, что не хотят идти затем в институт.

— И очень хорошо!

— Погодите-ка, а как же в таком случае удовлетворить спрос на фельдшеров, на фармацевтов и особенно на медсестер?

— Спрос удовлетворяется. У нас в Молдавии было восемь медицинских училищ — осталось семь: в Рыбнице закрыли. — Таким тоном говорят, когда перечисляют достижения.

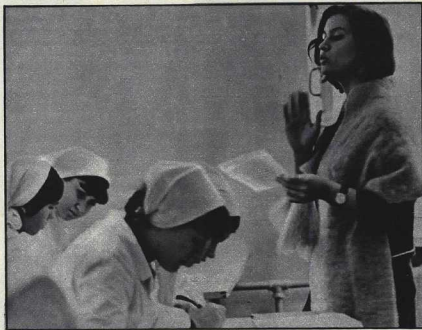
— Так, — понимающе сказал я, хотя и не понял ничего. Помешал привычный стереотип: хорошо — это когда чего-то открыли, а вот если закрыли...

— А с медсестрами у нас и вовсе хорошо. Наши выпускницы работают в Ленинграде, в Ташкенте, в Красноярске...

Я был готов к чему хотите, но только не к тому, что Молдавия экспортирует медицинские кадры. Но куда больше поразила меня будничным тоном, которым была произнесена эта фраза. Никаких тебе откровений — сплошные аксиомы: «Дважды два — четыре», «Волга впадает в Каспийское море», «Наши выпускницы работают в Ленинграде, в Ташкенте, в Красноярске...»

— Вы родом из Молдавии, Петр Васильевич?

«Братя милосердия».

Русский язык и литература, которые преподаёт Наталья Петровна Сосколов, — часть обширной программы в медицинском училище.

Сегодня — практика, завтра — работа.

Знакомство с аппаратурой в онкологической больнице.

ский язык «Педагогическая поэма». В училище, в котором он преподавал детские болезни и анатомию, уже преподают его бывшие ученики. Он одесский частый и желанный гость («Я не могу не приезжать сюда... Видели бы вы, в какой хате было училище в сорок шестом! Крыша, зеленая от мха, протекала; в классах — тьма. Я рассказывал про гитангу, а вода — как-кап. А сейчас? Это же дворец!»).

Долгие годы прожил он в бессарабской деревне. Был педагогом — стал врачом, детским врачом. «По детской смертности — 34 процен-

та — Бессарабия занимала второе, после Египта, место в мире. Сейчас у нас допустимой нормой считается один процент. Если два, с врачей голову снимают! Врачей не было, сестер не было — дети умирали, а вы спрашиваете, почему учитель стал врачом!»

Ему был тогда 41 год, и он, конечно же, помнит.

— В 1937 году в Бессарабии было сто тысяч симулированных. Лечили? Конечно, лечили. У генерал-губернатора Бессарабии не было врачей, и он послал вместо них в села жандармов

и войска. Он дал приказ не выпускать никого из села и чтобы все мылись в банях. Он знал медицину, генерал-губернатор. Он знал, что тиф из-за вшей. Он только не знал бессарабскую деревню. Было мало бань, и была поговорка: «Только у мертвых нет вшей».

Около Бендер на Днестре есть село Копанка. Там собирали огромные урожаи лучинок и Европы яблок. Наверное, потому румынские журналисты решили назвать свою книгу про Копанку «Румынская Калифорния». Когда они приехали в эту Калифорнию, они увидели людей,

МОЛОДАЯ ПРОЗА СИБИРИ

В этом номере «Смена» публикует два рассказа молодых сибирских прозаиков — Геннадия Машинина и Виктора Чугунова. Первый из них в недавнем прошлом гость второй «Открытия» их читинский и новосибирский семинары молодых литераторов, организованные ЦИ ВЛКСМ и Союзом писателей РСФСР.

Любопытные процессы происходят сейчас в литературной жизни Сибири. После Читинского и Новосибирского семинаров как бы поднялся на новый уровень, такими стали не ноги дельцов и дельцы молодых прозаиков и поэтов. Они стараются не перемывать са по средине, из которой вышли. Поэты и прозаики остаются геологами, журналистами.

Теперь хорошо известны имена ириутин Валентина Распутина, Дмитрия Сергеева, челябинца Шугалея, прозаика из Новокузнецка Галина Игнатьева, новосибирца Аскольда Рыбубовского, чукотца Виктора Потанина. Прошли широкие литературные семинары, они стали яркими и самостоятельными фигурами российской литературы. Их путь — от провинциальной литературной работы, связанной с «первой профессией», к профессиональной литературной работе, когда писатель выделывает веревки, как путеводитель по дороге, по которой будут следовать истинные литературные таланты Сибири.

Теперь Машинин и Виктор Чугунов теперь стали профессиональными литераторами. На полках уже стоят их «персональные» книги, которые лишней не станут в полках библиотеки любого читателя. Они — первые рассказы молодых литераторов, полезность того пера, которое, который дарит литературе новые серьезные имена.

Виктор ЧУГУНОВ РАССКАЗ

умирающих от голода, больных сифилисом, малярией, пеллагрой. Простите, а вы знаете, что такое пеллагра? Не смущайтесь. Об этой болезни ничего не знают даже многие молодые врачи. Но потому что они хуже врачей, чем старики. Сейчас нет такой болезни. Молодые могут знать про нее из учебников. Это была персональная болезнь бедняков, которым из-за того, что они ели одну только кукурузу, не хватало витаминов. Черной кожей и белыми глазами лагу крестьяне. Мучительная болезнь. Часто над собой смеялся: «Эй, Юли! Юли! бросился в комоден!» И люди не удивлялись. Они не знали врачей, но, что такое черная кожа, они знали хорошо...

Теперь вам, наверное, понятно, молодой человек, почему учился стал врачом? А Павел Чобуан мечтал стать учителем. Но отец Чобуан сказал: «Ты должен быть врачом...» И сын не ослушался. Старый Чобуан дожил до того времени, когда его сын стал хируром, хорошим хирургом, как говорили люди, как писали газеты...

...У меня в детстве часто болело горло, глотать было трудно. Как я сейчас понимаю, это была ангина. Бабка Федора, хотя и была главным и единственным в селе медиком, вполне могла отправить меня на тот свет, шло бы отчаянный мой рог она взошла бы в рай, давала микробам. У моей матери Ефимьи Гавриловой с детских лет болело сердце. Это был — я опять-таки ставлю диагноз задним числом — ревматизм, который болелся мучительно, но вычител. Еще раньше, когда я был совсем маленький, умерли мой младший брат и моя младшая сестренка. Отчего умерли? А кто это знает и почему интересно, почему умирали в бесарабский период детства?...

...Вот такую историю рассказывал мне крестьянский сын, который вполне закономерно мог оказаться в числе 34 процентов бесарабских детей, умирающих от болезней без названия, о которых только только заговорил стал хируром, кандидатом медицинских наук.

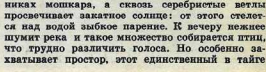
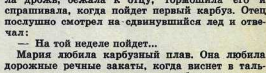
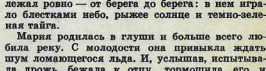
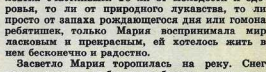
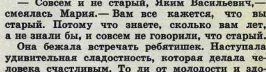
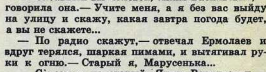
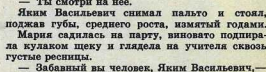
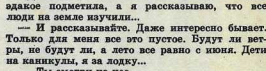
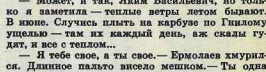
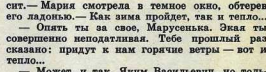
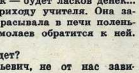
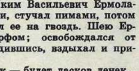
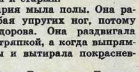
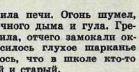
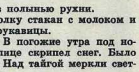
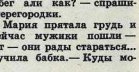
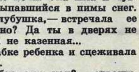
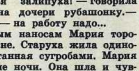
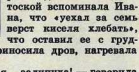
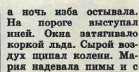
Ну, а если бы вы находились на моем месте, еще знал то, что только что узнали... как бы вы отнеслись к будничным тоном прозвонившей фойеры: «Ибо боже, вы идите в Ленинград, а Ташкенте, в Красноярске?»

Выслушав меня, Рана Анастасовна Пакало, которая вот уже восемь лет директорствует в училище, сказала:

— В отговинки клятым Гиппократу вы правы: в таком возрасте учиться не надо, потому что значение не легко. Но ведь оно и не дает клятву. А что высит оно, но нет в том ничего плохого: пусть читают. Ну, а что касается намерений, прошедших в училище, то адресовать не только в Ленинград, Да, а сорин летом в училище было всего 34 учащихся, а сейчас не только меньше полутора тысяч. Но не это главное. В середине пятидесятых годов я была студенткой Клинического института. Так вот, сегодняшней мой учитель немножко отстаивает студенту пятнадцатилетней давности, а кое в чем и превосходит его. Ну, скажем, в том поручении терминологии, и нынешние учащиеся, хотя в большинстве своем они молодые студенты, регулярно студуют «Клиническую медицину», «Физиологию и акушерство», «Медицинскую историю», «Медицинскую физику», «Медицинскую химию», «Медицинский журнал». От врача в первую очередь требуется знание дела, от медсестры — душевная щедрость; врач узнаывает, как лечится, а медсестра — преуспевает. Как обещать, да, но незначительно. Брава, скажу я, сукуватым словом «медсестра» заменили «сестру милосердия». Человек с милым сердцем — это ведь как тепло, человеку и верю!

Да, проблема доброты, если ее так можно назвать, одна из важнейших, и ее решение не совсем не простое. Тесты на доброту? Ну, что ж, если так можно, кто-нибудь изобретет, мы только скажем спасибо... Но пока нет тестов, пока не можем мы искать добрых учеников, мы должны искать добрых учителей. У добрых, любящих свое дело учителей — у таких, как Чобуан и Беркович — ученики и добры и дело свое любят.

В терапевтическом отделении республиканской клинической больницы в Новосибирске работала Дина Викторовна Ситнова. Всем она казалась — руки у нее золотые и к больным относятся так, будто жалуются из них ее сын родной. Так вот, и не раз видела, как девушка плачет, возвращаясь с призывом в совхоз, как плакала Дина Викторовна! Говорит торжественно — надо клятву Гиппократу дасть.

простор — от берега до берега, то он вот — рука в руку, а то разовется — даже страшно.

Мария не знала, чего ждала от реки зимой, но ежедневно сидела на обледеневшем карбуном борту и смотрела на снег, радужный, веселый, но такой неподвижный, что становилось тоскливо. Мария возвращалась в школу, тихо проникала в класс и слушала Янима Васильевича, в потом, когда расходился ребятиг, рассказывала сама:

— Я про эти ивы не хуже вас знаю, Яким Васильевич. Ивы-то, они какие к чему, для всяких нужд, потому и растут. Если, скажем, лодка, то корзинки плести; если жезла ива, то для корма. Бывает ива ветля, высочущая такан, раскломом: из нее корята делают, черенки для лопат, а отец и долбленки мастериц. Бывает верба — с нее ратий мед, она на песках. Ракитой топили. Бес ива...

Ермислав снимал очки и сидел за столом, покачивая маленькой головой.

Рисунок Василия КАРЯЧИНА

— Меня Иван обучил... смущалась Мария, — он во всяком дереве и в любой траве разбирается...

— Ивану как не разбираться — он без дома вечно...

— И раньше разбирался, Яким Васильевич. Бывало, подем, так он мне чего не покажет. Какую траву я знать не знаю, а он все по порядку объяснит...

Учитель теплее глазами и сочувственно спрашивал:

— Запечалится, что ли, Марусенька?...

Она в ответ кивала и тонкослезно ути. Ей хотелось рассказать об Иване, но мешала растерянная улыбка Якима Васильевича. Мария укрывалась в своей конуре у двери и рассказывала сама себе, какой он решительный и строгий, ее Иван, какой хозяйственный и знающий, но чем больше рассказывала, тем сильнее хотелось заплакать. Чтобы овладеть слезами, Мария принималась что-нибудь делать.

Прядя за девочкой, Мария рассуждала с Петровной:

— Иван мне по лантке: я сама с руками, с ногами — не пропаду. Скоро весна, бабушка, а там река пойдет...

— Девчонку куда? — спрашивала Петровна, показывая на дочь.

— Со мной будет — карбул большой. Я эдак же выросла. Бывало, отец на плав, и я с ним.

— Твой отец-то дурак был... Петровна налипла в тарелку щей и жевала ввалившиеся губы. Морщинистое, безволосое лицо твердело... Куды ребенка на реку? А если что?

— Болтася ворона дядю Семена. Мы люди привычные.

Мария раздевалась и шла к столу. Розовая кофта обтягивала широкую спину.

Петровна укорительно качала головой.

— Ох-ох, какава...

С темнотой Мария возвращалась к себе, нагрела чаю, перестаривала поленица и тогда это делала ежедневно, с привычной необходимостью, уминая дочь, бывало, спокойной нела:

Для Петь домовой,
Приходи ко мне домой,
Я в баню пришла,
Пирогов напела.

Однажды, рассказали дети, Мария вышла на школьное крыльцо, чтобы не мешать урокам. На реке цветными брызгами играл снег. Темные остовы лодок прилипли к пристани. Пестрой уличей едидли на конях. С реки доносился тракторный гул.

Еще издали она увидела Ивана. Он шел краем берега, по снегу. На нем был знакомый ватник, шапка с опущенными ушами. Голова неустойчиво сохатый, греб он пимами снег, не оглядывался, крепкий, грузный и непоколебимый.

Мария сорвалась с крыльца. Она бежала, размахивая пальто. Тяжелая шуба расстегнулась, и ноги били по ногам. Мария взошла в снегу, выпала, но не крикнула, не позвала Ивана, чтобы раньше времени не смутить.

Иван обнял ее и похлопал рукой по спине. С его холодным губ сорвался:

— Ладно, ладно тебе... Что? Иди, Мария...

Мария глядела на него с мольбой.

— Говори — иди... повторил Иван, и его низкие брови гневно сдвинулись... Не до тебя...

И приbral, покачивая на тракторный поезд:

— Мы за делом приехали...

Она помимозаете кивнула, смежилась и пошла спиной, а после смотрела на него шкель на ступахих мужиков и ладко куталась в шубу.

К вечеру Мария накрыла стол, вырдила девочку и села ждать. В избе пахло сухими пимами. У соседей лаял кобель. Мария сидела за столом и прислушивалась к скрипу шагов на улице.

Иван пришел в полночь, тихо и неловко разделся у порога, глядя на Марию тусклыми, уставшими глазами, и упал на кровать. Мария поднесла лампу, осветила его лицо, задумавшись, худое, широкий нос в коряжках по крыльям. Она села на кровать, вдыхая промершый запах его волос и одежды, взяла руку. И вдруг упала на грудь, задыхаясь от хрипа:

— Ванька, хороший мой... Ненаглядный мой, звездущка...

Она была благодарна жизни, что встретила такого вот, неутомимого и прямого. Мария не вспоминала историю своей любви, потому что в минуты отчаянного счастья об этом не вспоминают, но все ее существо было наполнено тугой памятью о решительном человеке, мужественном и честном. Равные слухи о нем обрачивались слезами, тревожными и доверчивыми, а когда он открылся, когда пришел и все увидели, что он действительно такой, каким его

МАРИЯ

БОМБЕЖКА

РАССКАЗ ФРОНТОВИКА

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

конечно, в хвосте топчется. Здоровый он парень, да рохля, будет стоять дотемна и котелка не наберет.

— Позволь отлучиться, помкомзвод, добуду водички, слово даю!

— Приказ знаешь? — гыкает Тарануха. — Пока не открыты окопы — ни на шаг.

— Да что это за приказ, — спрашиваю, — если он против беспособности солдат?

У Таранухи глаза по сторонам пошел, как у кошки, шаркающей на чашке-ходюлке. Потом голова завертелась, кадык задергался, а сказать не знает что — наряд все очереди на позициях не назначил. Но тут лейтенант Михнев ему на помощь пришел. Истребком свалился он на меня.

— Это кто обсуждает приказ? — заклокотал он. — Опять Гвоздили?

— Отпустите за войлой, товарищ лейтенант, — отвечаю ему. — Бельих еще день простоят у водокачки.

— Делайте, что приказано, Гвоздили! — перебивает меня взводный.

— А если и неземлето стожу туда, помогу Андрею? — спрашиваю. — По глотку воды — и озимев все!

Сказал я про воду, и вдруг его истребковые зенки подкатились под лоб, а лицо ковылявше швец прибрело. Сполз наш взводный на дно окопчика, вроде невдаимый снайпер его подкосил.

Прибежал саинструктор, у самого гимнастера, хоть выжимай.

— Солнечный удар, — сразу определил он. — Водички бы для компресса хозодной...

— Ладно, понеси под тент, — командует ему сурово Тарануха.

Тут я не выдержал. Только отошли они от нашего колена, схватил я котелок и побегом напрямки к водокачке. Польный дух в горле першит, кровь из ноздрей вит-вот хлынет, а я бегу, как угорелый, к водокачке: в ямки хочется напиться, и лейтенанта напоить, и всем остальным по глотку раздать, и не попасть в трибунал!

Какой-то перебитованный танкист кричит мне:

— Куда прешь? Рама! Не видишь?!

А я не пойму, чего он бонеси. Крутитесь над степью самолетик с раздвоенным хвостом, кресты белые по бокам. Ясно, немец, но пока не стреляет по нашим. Вроде тоже пить захотел: спивировал на саизву водокачку, чуть передладной на хвосте за шинам не зацепился. Раббежался водоносы к брычкам своим, в ямки попадали, к стене водокачки прижались. У кого винтовка была, стрелять по раме начали: «Пан! Бах! Трах!». А рама покачалась и улетела куда-то восковыс.

Я воспользовался моментом — кинулся к рюкзаку. Да не тут-то было. Живая очередь передо мной выросла, как из-под земли. Пробиваюсь к рюкзаку, пробую котелок под струю подставить.

— Куда лезешь?

— Братцы, позвольте! Задержку — трибунал ведь!

Подествовало, начал помаленьку расступаться. И тут как стал волчок завыл над головой. Земля дрогнула, будто почувала над собой страшную силу.

— Немец летит!

Очередь — в разные стороны. Меня тоже прошибло до подметок, но тут мысль стукнула: «Воды наберу — вижу смлячу в случае чего!»

Подставил я котелок, наконец наполнил его до краев, крышкой прикрыл и кинулся убежать за остальными. Наперегонки с тенью самолета пытался бежать. Но накрыла меня тень. И тут ухнуло. Далеко разорвалась бомба, взоле оюпов. Но земля под ногами, как матушка, колыбалась. И опять замкачалась, как кисель, и снова задергалась, будто жеребца на привязи.

А самолеты так и валился сверху и, вроде как от помета, освобождается от бомб. Только от этих черных капелек земля с брустверов к небу поднимается. Водокачку подняло и развалило в воздухе.

Звои в ушах, свист, рев, грохот. Куда бежать, непонятно. «Воду надо спасти», — мысль меня все же точит. — И взвода спасены в мой, и лейтенанта, и мое! А как не утерять котелок в этом аду? «В воронку!» — соображаю. — Два раза в одно место не попадет!»

Метнулся я в близкую воронку и скатился по колым земли вниз. А котелок в руках держу, как драгоценность, самую дорожку. Полечте степь. Над ямкой волны проносит. А теперь уже вырвал оиды за другия — тут издерванный. Людям не слышно, только онашеле лошади носятся, а их щепки от вагонов догоняют да колыя земли.

А у меня ташь да благодать в воронке. Даже как-то неважно стало, что лежу я в тавном укрытии, а люди под бомбами, пулями. Высунулся слегка из воронки, машу пилоткой:

— Дивай сюда! Место есть!

Визу, четше миче, воронки медстерца. Глаза побелели — ничего впереди не видит, сумка санитарная будто летит за ней.

— Сюда, сестра! — кричу.

Она ноль анимавая, я открытую степь четше, ибонча задерлась. «Что делать?» — соображаю. — Надо лопать — погнбит баба». Свет-

лась с началом войны. Уже 17 июля 1941 года ее отец, поммастера с ткацкой фабрики комбината «Трехгорная мануфактура», погиб под Смоленском, а мать на долгие годы слегла в больницу. Училась в восьмом — десятом классах, Инна жила одна и только потому не бросила школу, что рабочий коллектив Трехгорки всех ей заменил и пошел.

Восемнадцать лет ей исполнилось за четыре месяца до окончания школы. Фабричный экономист, депутат Мария Ивановна Дмитрух дошла до правительства, но выдвинула условие: сохранение пенсий Инне на эти месяцы. И к выпускному вечеру фабрика сшила ей платье...

Инна начала на фабрике копировщицей. Сейчас она старший инженер-конструктор отдела главного механика; текстильный институт окончилась заочно.

С коммунисткой, руководителем комсомольского кружка И. И. Карандаевой меня знакомит Ефанов. Он говорит, что ее кружок в партию на коромысле свел. Инна Ивановна рассказывает мне про занятия с профессиональной увлеченностью; видно, что в партийное поручение естественно влились давняя тяга к истории, литературе, проблемам нравственного роста личности.

Учебы, роста нет, если не пристрачить кружковцев к самостоятельному чтению, к глубоким раздумьям над каждой страницей.

Сбор кружка по ленинской речи «О трудовой дисциплине» шел на фабричном радиоузе. «Давайте еще раз!» — попросили ребята, едва смолкла граммофонная пластинка. И вновь напряженно и любовно вслушивались в родной голос, где мощный разрез мысли смягчен милотой кравчинкой...

В кружке — токари, слесари, копировщицы, конструкторы. Когда работали над «великим почином», встала перед глазами равнина своим суботничником Трехгорка (у многих родители — тоже трехгорцы: у Лейлы Закировой, нынешнего комсомольского секретаря отдела главного механика, отец сорок пять лет проработал на отдельной фабрике, отец Сергея Мельникова руководит граверной мастерской и т. д.) и вместе с тем по-новому осветились комсомольские субботники наших дней. Работа по «великому почину», учебная и практическая, была вторым этапом Ленинского зачета.

Мы идем с Инной Ивановной посмотреть станок, на котором работал токарь отдела главного механика, Герой Советского Союза Анатолий Милов. Над станком — памятная доска. В ярком уголке отдела выставлены фотографии и документы юноши и его семьи (отец Анатолия работал на Трехгорке водопроводчиком, а мать — уборщицей).

Есть памятная доска на ткацкой фабрике — там среди других моя отца Инны. Погиб Иван Филиппович тридцатидевятилетним, уйдя на фронт не по призыву — добровольно. «Я же коммунист», — коротко объяснил он домашним свой поступок. И осталась у Инны вечная печаль (стольким людям теперь знакомая), что не испросила у отца про его комсомольскую молодость, только помнит его рассказ, что был он воспитателем в той самой детской колонии, где снимали фильм «Путька в жизнь».

Милово тебе, читатель-друг, среди торопливых будней, там, где учишься, работаешь, живешь, испытать крылатые минуты, когда с поразительной отчетливостью осознаешь себя звеньищем в народе, а народ — в его неутрачиваемом движении.

Ведь если времена, как земли, окунуть взором с птичьего полета, увидишь позади темнеющую девятнадцатую, а за нашим бурно-стремительным веком — красные зори двадцать первого...

РАКЕТЫ НАД ОСТРОВИЩЕМ

Лев БРАНДИН,
инженер
Фото автора

Все покинули ангар. Красная дуга сигнальной ракеты — остается минута до старта. Напряженное ожидание проходит в полной тишине. И вот спелая вспышка вырывает из темноты ангар, людей и сугробы снега. Ракета, поведя в мгновение, стремительно вонзается в небо, опережая

на изначную огненную струю. На земле остаются грохот и клубы дыма. Звук испарившейся ракеты — итог многих суток кропотливой подготовки, отладки всех систем...

Мы идем по льду, отворачиваясь от свирелого ветра. Шестые сутки идет пурга. Ветер неистово гонит сухой снег, обняв каменистую, в морозных трещинах землю. Мы наткнемся на длинные комы затругров, которые словно растут на глазах. Впереди сквозят снежные потоки приближаются огни поселка.

Еще не улеглось волнение, связанное с запуском. Научный руководитель запуска Юра Туниндов воздушного спортив с техническим руководителем работ Борисом Чаленко. Геофизик Юра улетел еще во время учебы в московском университете. Здесь он испытывает приборы на отечественных ракетах, которые доставляют их на высоту 160—180 километров. После обработки результатов измерения новы данные о составе, давлении и температуре верхней атмосферы будут тщательно изучены, сопоставлены с аналогичными результатами.

Уже видны огни нашей кают-компании, которую здесь называют просто «кабузом». Принято после бессонной ночи прийти сюда. Шумно толпой залягаемся на камбуз. Начался новый день.

Мы живем на острове Хекса, затопленном в архипелаге Земли Франца

Иосифа, или ЗФИ, как ее называют летчики и полярники. Здесь, за 800 километров от острова, имеется крупнейшая, самая северная в мире обсерватория «Дружная». Кроме обычного в Арктике комплекса наблюдений, обсерватория имеет радиотелерадиомыры. Многие ракеты регулярно взлетают над ЗФИ, передавая людям самую разнообразную информацию о верхней атмосфере.

Наш остров около 10 километров в поперечнике. В 1957 году во время Международного геофизического года полярная станция из бухты Тихон была перенесена сюда. Поселок, выросший на северном острове на берегу пресноводного озера, стал одним из центров изучения Арктики. На своем простейшем приборном приходе возникло оборудование лаборатории и станции. Теперь здесь живут и работают около ста полярников и среди них специалисты различных институтов Гидрометеослужбы и Академии наук СССР. Со временем здесь изучается ледотая в лабораториях на большой земле.

Арктическая ночь, наступившая в середине октября, сбавила свои обороты: море; громады льда; застыли в проливе. Солнце больше не заглядывает к нам, вместо него в небе дым светит луна да изредка прибудывает изгуд полярных сияний, взрывает даже бывалых полярников.

Иногда в ясную погоду по всем обсерватории раздается: «Вздут сброс!» Сразу же начинается подготовка, и встрече самолета, закинуть сырую в бонки, обозначающих место сброса. Слышится гул мотора. Показалась гость с Дикского. Машинист с нами летит на лед озера. На камбузе уже собраны островные. Прерывается демонстрация фильма, заброшен бильярд, глаза руги людей полны ожидания и тревоги. Какое счастье получить весточку из дома!

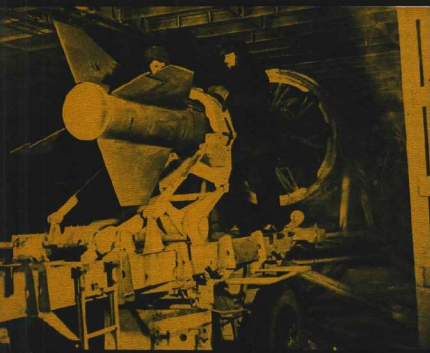
Север побит сильных. Полярники, кроме своей основной работы, должны выполнять в обычную, повседневную, без которой невозможно само существование в Арктике. Мы должны ежедневно приносить или привозить воду из озера, носить снег, заготавливать уголь, и дрова для котла, завозить бонки с соляриком для дизель-электростанции и т. д.

Праздники же на острове отмечаются торжественно. Вспоминается один праздничный день. Еще накануне комсомольцы установили около камбуза манту. Все свободные от вахт полярники вышли на улицу. Над островом маршили праздничные звезды и сверкались волны полярного сияния. К флагишюк подошли две женщины: самая молодая — комсомолка Лариса обсерватории. Нюташа Волкова и комсомолка 20-го года, ветеран Арктики Людмила Николаевна Олкина. Праздничные поздравления завершили фешенетром, осветились поднято, и какое пополнился флага. Так праздновали 50-летие Ленинского комсомола на нашем острове.

Есть в Арктике свой праздник, который нет в календаре. Это День восхода солнца. В ясную погоду можно увидеть красавицу арко-оранжевого диска над горами остроных скал.

С этого дня солнце все больше задерживается над промерзлой землей, скоро наступит полярный день. Пройдет еще три месяца, и придет короткое полярное лето. Солнце после долгого отсутствия круглые сутки греет наш островок. Все полярники стремятся использовать каждый солнечный денек, загора в них, беззаботных местах.

В августе кончается арктическое лето. Пришел корабль с новым сменным полярниками, и мы покидаем остров, ставший нам вторым домом.

В цеховом ангаре.

Подготовка алюминиевых частей ракеты.

Ольга КУЧИНА

... что вы станете сейчас читать, — запись разлик лет, из десяти тысяч тетрадей. Их автор — врач из Подмосквы Лариса Е.

Дисциплины пишут разное. Даже с разными стилями. Но все же, наверное, мытными им был список ведения дневника, всегда на деньше дню волновала мысль о его верооятности читателя. Так или иначе, почти каждому из нас хочется дружно продвигаться в жизни друг за другом, в будущее жизни. Поэтому, конечно, даже ведение с самим собой трудно было до конца искренним, честным и самокритичным.

Дневник Ларисы — достаточно честный дневник. Вы увидите это сами, хотя бы по списку известных самоощущений. Увидите, что перед вами живой человек с известными достоинствами, но и недостатками, характер развивающийся и протирочивающийся.

Несомненно, что Лариса Е. — яркая индивидуальность. К сожалению, некоторые черты индивидуальности, своиственные ее характеру, подчас делают ее замкнутой, мешают открытостью и доступностью общению с товарищами, с коллективом.

Особенности этого дневника в том, что он писался не во следя события, а во следя размышлениям. Не факты внешней биографии зафиксированы здесь, но события биографии внутренней, диалектика души, диалектика характера. Главная ценность этих записок, на наш взгляд, в том, что во них видно, КАК ЧЕЛОВЕК ДЕЛАЛ СЕБЯ САМ.

КУРС

24 октября. Вопрос о совершенствовании стоит и будет, наверное, стоять передо мной всю жизнь. Все-таки я добилась некоторых результатов. Таия говорит, что я очень изменилась, по сравнению с десятилетием. Я это тоже внутренне чувствую: стала менее раздражительной, более выдержанной, внимательной к людям, доброй. Больше заботилась о родителях. Больше проявилась и в отношении к родителям. Я поняла, что они мне сделали и делают хорошо, заботятся обо мне. Ни по кому и ни по чему так не осуждалась, как по нашему маленькому дому и по ним.

Отец Ларисы — рабочий на заводе, мать — регистратор в поликлинике. Неприятательные, но очень хорошие, душевные люди.

Почти Лариса рассказывает мне про новые домашние конфликты. Она уже работала в родном городе врачом, вышла замуж, у нее родилась дочка. Мать ворчала, когда она садилась за книгу: «Безнае не спирано»; когда слушала музыку: «Почему бы туфам кушать, чем все думать на письменный трактат». Лариса отвечала: «Тупица испостуча, а музыка, радость в душе оставилась».

Искусство и человек. Их взаимоотношения. Как открыться перед искусством, почему мир прекрасен, как помочь нам объяснить дорогу к искусству? Об этом спорят искусствоведы и педагоги, вскалывают и социологи. Продвигиваются программы университетов культуры, устраиваются дискуссии, семинары. Хотелось бы знать, есть это искусство, во сам-то человек? Что оно!

17 февраля. Что я должна сделать за пять лет в жизни?

1. В совершенстве изучить театр, историю отдельных театров (Большого, Малого, оперетты, Мимины Станиславского и Немировича-Данченко, Ермоловой и т. д.), изучить биографии знаменитостей прошлого и настоящего, посмотреть главные акты репертуара этих театров и т. д.

2. В совершенстве узнать музыку: композиторов всех веков и народов, их главные музыкальные произведения; историю музыки, ее исполнителей, прошлых и в особенности настоящих.

3. Научиться играть на пианино.

4. В совершенстве изучить Третьковскую галерею, вообще искусство живописи картин, познакомиться живопись и скульптуру.

5. В совершенстве изучить литературу: зрелую, белую и классическую.

6. Научиться шить, вязать, вышивать.

Эта программа на пять лет.

Человек из маленького городка, из простой, простой семьи, семан приехал в Москву. Стоянка. От нее надо выйти все-это ясно. А что здесь! Каждый понимает это по-разному. Лариса считала так: широкое, углубленное самообразование. И мы говорили, что надо начинать в первую попоселение. Да, вот она, Лариса, станет такая интеллигентом. Позав в Москву, она жадно и одержимо, порой, может быть, навязчива была в себе достижения мировой и отечественной культуры. Но разве это не благородная одержимость!

КУРС

1 декабря. Сегодня почувствовала очень остро, какова цель жизни каждого человека. С уверенностью и убежденностью могу ответить: труд. Труд настоящий, дающий полное удовлетворение, творческий, нудный людям. Труд — основа моральных качеств человека. Развивает себя — тоже труд. Я сама чувствую, что когда не работаю как следует, становлюсь: маленько злится. Я хочу еще знать, но желания мало, надо работать.

7 декабря. Говорят: не родись красивой, а родись счастливой. Нет, я хотела бы родиться и красивой. Не душой, чтобы это не мекло испортило. Я была бы немного счастливее. Природа ошиблась, аликов в мое тело такую душу. Нет, нет, это не хластоство и не пренебрежение. Наблюде людей, я редко вижу таких же, как я. И это не завистливо, а впервые тишу об этом, много перед этим передумала. Как я хочу уметь играть! Я аликовна бы в музыку всю душу. Часто думаю о том, как приносятся к клавишам...

«Я особенный человек. Я не такой, как все». Горе нам радость по этому поводу. Мои наоборот: «Я такой, как все». И горе нам радость по этому поводу. Про это написаны горы литературы. А перед людьми, входящими в жизнь, вступающими в любовь, разговаривая с ними, слыша от них, эти вопросы, встают вновь и вновь. Где истина! Что хорошо: как все или не как все! Где кончается трезвая оценка и начинается самоодовольство! Как отпугнуть истинную скромность от ложной — и глубже — от незнательности!

Обращение к искусству, самообразование Ларисы сопровождалось напряженным раздумием над нравственными проблемами, над духовным содержанием собственной личности.

КУРС

17 сентября. Странная штука — жизнь. Разве я когда-нибудь думала, что буду сидеть в Москве, а Москву изучать по учебнику, а Москву и читать своего педагога по музыке!

4 ноября. Интересно, так будет всю жизнь? Сложно, умеренно, равнодушно, ни переживания, ни волнения, ни радости, ни нежности — все равно. Неужели все время, во все время, когда каждый день была какая-нибудь радость! Очень жаль, что я не смогла попасть из-за музыки на пенсию. Уверена, что этого не было бы. Я уже отпустила от простоты, смиренного публичного прихода к другой — строгой, правильной, ни в чем не ущемляющей ни других, ни себя. И сама стала такая: холодная, равнодушно ко всему и ко всем, внутри пустая. Один живу для других, один для себя. Я живу, как вторично, мысленно на стороне парня. Почему у меня нет теории, ясной, твердой, удовлетворяющей меня теорией жизни! Мне нравится и то и другое, но все это не мое, чужое. Если я живу всерьез, а живу, тогда тем, кто может систематически работать, много знает. Если я живу занятиями, а живу тогда, кто смеется, у кого есть хорошая компания. Все распределено.

Взаимоотношения с людьми, если только често отдавать себе в том отчет, — все не прости

вать. Дружеское общение необходимо человеку. Это снова нища для ума и сердца, обнаружение своих острот, углов, изгибов, теплоты. «Что отдай — свое время, углы — навек пропало».

Еще две недели, а самообразование закончено и начинается пустое времяпрепровождение! Когда замлнута, протискиваясь из сложной внутренней работы человека, переходит в эгоизм, жесткость по отношению и другим людям! Где требовательность к себе и к другим, где ответственность и мня, непонимание на! Сосредоточение на собственном внутреннем мире — плодотворно это или губительно!

Эти вопросы выстраиваются из раздувной Ларисы. Конечно, идея, что опыт чужой жизни даст все ответы, нелепо. Но, может быть, он приблизит нас к собственным поискам решения...

16 декабря. Как красиво жить! Быть веселой и энергичной — не в аэроплане, а именно в занятиях, что есть искорачно, как можно смелее и зрнее познать, сбросить лишнее, усталость, кислоту, быть жизнеадекватной! Все можно успеть, если жить именно в тепле.

Несколько лет назад одноклассники собрались на вечер встречи. Кто-то сказал Ларисе: «А мы тебя так и запомнили: маленькая, все время улыбаясь в кофты и переписывая книги».

В этом вечернем собрании и занятиях, в постановке работы миссии — клон к натуре Ларисы. Но пока маленькой студентке 20 лет...

16 марта. Вот влюбил: на людей полагаться нельзя, надо во всем полагаться на себя, а главное, не смотреть, что кто делает, а делать так, как сама считаешь нужным, пускай это будет даже хуже, чем у других.

А потом не надо стараться понравиться, а для этого унизиться, говорить неправду. Со мной это редко, но бывает. Ну, это будет естественной.

20 апреля. Неожиданно поняла, почему у меня такое отвратительное настроение. Все сложилось, занята до предела музыкальным институтом, много дел, много обязанностей, но не хочу, не могу больше жить одним умом. Я хочу еще жить сердцем.

4 августа. Самое главное, что я все время иду какой-то мысль в жизни, я не могу быть спокойной, не могу быть равнодушной, не могу быть чуждой. Если жить, то не хочу, не могу больше жить одним умом. Я хочу еще жить сердцем.

8 августа. Мне надо постоянно находиться на людях, тогда я меньше думаю о себе, о своих переживаниях. Мне нужна жизнь деятельная.

Новая запись — новый вопрос. Собственно, жизнь человеческого духа есть средоточие качеств, общечеловеческих вопросов, знаво вставили перед каждым поколением, перед каждым человеком. Но размышления проверяют себя. Размышления без дела — вялые, нежизнеспособные, едва родившиеся на свет, как точас удающиеся цветы. Можно сказать угодно много и тонко мыслить и чувствовать, но если при этом лежать на диване — жизнь твоя будет сложном миссии Обломова, фигур, в общем, трагической. [Вспомните, всмотритесь заново в этого гомеопата, в его философию, в его философию, в его созвучие его миссии сегодняшним настроением.]

Однако есть и другая опасность. Дело без размышления. Есть ведь люди, так и не научившиеся думать. Делание, но сознательное. Они-то уж подают пример на виду.

Очевидно, найти гармоническое сочетание ум и действия — задача всякой личности. Один из путей и языков, и совершенствованию себя — эстетическое образование.

17 августа. Проблема самообразования данно стоит передо мной, но я неправильно подхожу к ее разрешению. Я начертила себе большой план, но упустила в нем очень важное — наследование перед каждым поколением, перед каждым поколением. И так, начнем с главного и моего жизни — с медицины. Что меня в ней увлекает? Могу. Поэтому я должна полюбознательнее в этой области. Музыка — искусство, которое можно изучать усердно и старательно. Самая занимательная в сути специальностью и 1+3 теорией. Продолжай изучать творчество и композиторов. В театр и на симфонические концерты ходить каждую неделю. Начальную литературу — историю, философию, а также читать заданную литературу (Стендаля), про-

должу. Спорт. Хочу научиться плавать. Ходить осенью и весной в парке. Зимой — коньки и лыжи. В области человеческих отношений протоколировать много людей, поэтому тут предостаточно все его велечеству случано. Моя цель — стать умным, развитым, интересным человеком.

Я начинаю в первой тетради занисать три программы по самообразованию, во второй — четыре, в третьей — пять, в четвертой — семнадцать [уже не только пивное, но и иготов], в пятой — двадцать одну. В каждой программе — свой максимум. Главная задача, но и в последних задачах не маловесна. Позже Лариса занисает мысль Диего Лондон: «Бывает всегда два человека, один больше, чем от нее требует, и если люди требуют от нее самую малость, то получаю меньше, алого, они обречены на провал».

31 августа. Последний день отъезда. Завтра еду в Москву. Где буду жить, не знаю, но как буду жить, знаю. Представляю сейчас себе человека, выходящего свободно и независимо ни от кого на дорогу жизни, с уважением к окружающим, но и с полным чувством собственного достоинства.

КУРС

25 сентября. Хочу описать отнюдь мой день. Встаю в 7, выхожу в 8 и остаюся 82-то автобусу, в 9 еду за городом. Сижу у Бисетерны Васильевны, много нового педагога. Обстановка такая: старый, заброшенный сад, помножиса двауст-этажный дом, веранда и разбитый ровья, сама старушка очень древняя, училась в консерватории в 1905 году, выдела Рымского-Корсакова и постановку силсам учеником консерватории — а общед, все то, что я перед этиа прочла в книге Гнесина «Воспоминания о Римском-Корсакове». Ну так вот. Позанившиа два часа с ней, дождь обрудился и бегу по улице на лекции. Затем занята до 9 часов вечера, затем еду в главный корпус, там есть инструмент, и играю до 10 или 10.30. Приезжаю в 11.30 домой, училась и завтракает и спит. Переложу четкую чиники. Больше времени нет. Зато настроение бодрее и веселее...

15 декабря. Были тяжелые времена. Я жила на квартире у черстных и злых людей. За инструментом каждую субботу мила поли в свой квартиру, терла с мылом цементный пол в кухне, а иногда приходилось все перемывать из-за их прихоти. Деньги были мало, существовала впроголодь. Больше человек никогда не должен зыкнать, не должен терять чувство чести, обязан сохранять выдержку и презрение к недугам.

17 декабря. Хочу занисать для себя ряд правил: 1. Быть всегда добросовестной по отношению к тому делу, за которое взялась, то есть всегда все делать хорошо и доводить до конца. 2. Быть естественной, такой, какая есть в данную минуту, не строить из себя умного человека — это признак глупости. 3. Быть снисходительной к людям, не обращать внимания на их недостатки, не возмущаться ими и не делать замечаний — от этого они лучше не будут, недостатки исправляются не так. 4. Больше жить в себе, это дает большую собранность, независимость, самостоятельность, устойчивость.

5. Каждый факт своей жизни рассматривать с точки зрения удовольствия, удовлетворения, человеческого. Вообще смотреть на вещи шире, с перспективой.

6. Каждому предметом заниматься систематически и начинать с азов.

7. Больше думать, главное на сегодняшний день — и выполнять это главное, а второстепенное — в оставшее время.

8 января. Но обложке дневника буду ставить черточки, обозначающие большие дни.

10 января. Не знаю, что это такое — по-моему, это надо приписать моему внутреннему перерождению. Я стала относиться ко многому иначе, стала часто думать по «хочу», а не по «нужно». Думаю по умнее и не бегу, как раньше, наклоны голову, смотрю анка и мухра бровей, а чуда спо-

койно, медленно, наслаждалась погодой, какой бы она была, потому что любой дождь есть своя прелесть. На все мелочю смотрю сквозь пальцы.

Поступать по «хочу», а не по «нужно». У Ларисы все в системе, поэтому ее всегда удивляет, что с ее системой даже индетализмом это означает рождение и укрепление драгоценного качества — когда чувство долга, веление ума становится внутренней потребностью. При этом она все же не старая, не сбитый чирлок, а порывлялая жизнью человек.

5 марта. Живу в общестине уже полмесяца. Многие нравятся, что именню? Свобода, полная свобода независимости. К дедам из нашей комнаты приехал мальчик по имени Юра. Мы так часто находили темы для разговоров, что я поражаюсь. Впервые встретила человека, с которым у нас так много одинакового: принципы, взгляды, сумерки. Отсюда его и разругаю людей, для меня замечательный. Впервые высказала ему мысль о книге, которую хотела бы написать. Он поддержал меня. А музыка! Мы одновременно бросались к приемнику, когда слышали что-то порядочное. А металлика, техника! Все так живо свела меня с тем, кого я так искала. Но девочка, к которой он приехал...

27 марта. Я с маяль лет была больна целую неделю, ждала, чтобы меня любили и уважали и в то же время хотела стать человеком с независимым характером. Как это осуществит, я не знала. Инстинктивно много читала, слушала — это в какой-то мере выдвело меня из числа зараженных людей. В желании нравиться я пошла сначала по пути властвования. Но это удавалось только в детском возрасте. Когда же мы подросли, меня неизбежно было за эту черту. Тогда я стала угорять всем порядком, но и здесь потеряла фанасю. У меня были такие несомненные скитки: или я думала, что выше всех людей, или наоборот, что ниже. Полно очно хорошо то мучительное чувство, которое авдалено мной постоянно, если ко мне проявлялись немилосердие.

Приехав в Москву, в институт, я была увлечена новой жизнью, занялась бурной общественной деятельностью, меня полюбил. Но потом все изменилось. Я и поддалась Тале, а потом это не удалось бы настоячей, и меня яшла разрыв со своим внутренним миром. Я снова была фальшивой, угорждала всем. Не считаясь с собственным аннемем, доржидла только аннемем окружающих и много делала против себя. Так продолжалось долго.

Теперь вот что к такое. Я великая. Поступаю по велению совести, в мелочах вступаю, в принципиальных вопросах нет. Об угорждении не могу жить и рече. Не лезу ни к кому со своими хоршими мыслям и знаниями, не спорю по дурациям вопросам. Смеюсь, когда везло. Рассказываю, когда спрост. Никому не отазываю, если мои слова не могут это сделать. Если у кого-то большое горе, стремлюсь помочь. Люди, окружающие меня, не всегда соответствуют моим внутренним потребностям. Но я живу среди них, следовательно, нужно с ними считаться.

Вот что происходит у меня. Это чувствует Лариса, но как развивается ее мышление, как углубляется проникновение в суть вещей. Через два года вперед будет еще яснее в оценке самого себя. Ум среднестатистический. Наравня система связей. Не терпю односторонна. Любовь к искусству, постоянна, несомбавляющая. Любовь к добру, но внутри эгоизм. Красная нить — совершенство. Поглет мысли высокой, способной ограничивать. Не терпю бесцельности и отсутствия цели. Целевая. Внутренние способности рассчитаны только на занятие одним делом, много делать не люблю. Большая разница между желанием поехать в путешествие и содержанием. Сильно развито чувство справедливости. Истинной свободы, очень зависима от людского мнения.

Не идеальный характер! Бессерно. Но прямой характер. Свои недостатки — первая злая и самая трудная ступенька в самосовершенствии.

24 августа. Главное — развитие ума, вкуса, злых. Ум. Для развития требуется: жизненные наблюдения за характерами окружающих людей, чтение книг, размышления. Вкус. Чтобы развить

его, надо много сравнивать, а много сравнивать можно только тогда, когда много видишь, слышишь, ощущаешь. Вкус воспитывается с познанием искусства во всех его формах: литература, живопись, музыка, архитектура. Язык. Здесь нужна постоянная тренировка, следить за речью, завестись словарь...

Иногда встречается такая дилетантская философия: не надо слишком многого требовать от жизни, тогда все, что она дает, будет казаться большим. Об этом же, в сущности, ищет речь, когда говорят: человек без запросов счастливее человека с запросами.

Надаваю в спросила Ларису, прибавило ли ей счастья ее самообразование, зантие искусством. «Счастья! О, нет. Лучше бы без этого. Хороший дом, хоршая семья, работа — это еще человеку нужно! А это все берет труд. Но вот как-то елава в Москву на машине. Делать. И вдруг Чайковский по радио. И там же мысли забормонили, и тава радость и почувствовала себя Человеком...»

КУРС

16 июня. Мне уже 22 года, я стою на пороге самостоятельной жизни. Больше всего боюсь вступить себе тепленькую, серенькую жизнь со всеми материалами достаточными для жизни. Больше всего боюсь опуститься до неиндустрия, когда будет удовлетворять работа «абы денег прошея», семья с едой и тряпками и содержательные сплитки о знакомых.

13 августа. Три дня в детском саду под Москвой. Вот уже тринадцатый день работаю в качестве участкового врача. На первый выдел шла со скоростью замедленной съемки в кино, не выпуская из рук справочника. На первую мать на приеме смотрела со страхом. Тепло моему окладу. Что главное! Я полюбила свою профессию.

ОКОНЧЕН ИНСТИТУТ

2 августа. С момента осознания себя личностью я следела за развитием познания. Эта страсть увеличивается с возрастом в геометрической прогрессии. Хочется задерживать максимум времени, сделать значительное, увидеть необыкновенное.

18 декабря. Кто слышал? Тот, кто идет к цели и добивается ее. Тот, кто живет интенсивной внутренней жизнью, кто творит. Можно недоводить, недоводить жить в бедности и быть счастливым. Так вот, надо добиваться именно этого счастья — счастья творчества, достигнутой цели. Я нашла свой смысл жизни и знаю, как за него бороться.

30 декабря. Человек тогда интереснее, когда меньше, когда он выше остальных.

Вот прошли перед нами студенческие годы одних и тех же. Шесть лет, проведенных в институте. Их можно было прожить по-разному. И вспоминаю потом по-разному. Одни вспоминают студенческие забавы, вечеринки, инстинктинки. Другой — новое, открытое им самим доказательство теоремы или придуманную машину. Третий — курсы в ессессинском институте и отнюдь не добытые отношения Гергена и Гарева. Четвертому, оказывается, и вспомнить нечего.

Для Ларисы студенческие годы стали временем интенсивного развития и становления личности. Самостоятельность, серьезное пробление и искусство придало всей ее жизни особый смысл. Ибо именно искусство поднимает эмоциональную и интеллектуальную культуру, заставляет нас тянуться к эссессинскому институту своего места и ней. Искусство формирует душевную настрою человека, касается самых глубоких его струн. Оно воспитывает тонность, доброту, понимание других людей, понимание мира.

То, что открылось нам в дневнике Ларисы, — не пример ли для многих!

...Этот дневник пишется и посещает. Одна из последних занисей: «Сегодня прогуливал с мыслями как ночь дальше...»

ЗАМПОШИ

Рассказ о том, как молодой коммунист, выпускник училища, нача

Анатолий Грачев — «хозяин» Порогов.

На границе все быстроотечно. Еще недавно, всего лишь минуту назад, большой и сложный организм воинской части жила в ритме, который можно было бы назвать напряженно-спокойным. А спустя считанные мгновения после звонка с заставы, известного штаба, что нарушена государственная граница, этот ритм стал совершенно другим. Словно стояла на пути под парами паровоза и вдруг, послушный оппной руке, стремительно, набирая скорость, ринулся вперед.

— У нас «гость»,— сообщили с Порогов, куда мы собираны лететь.— Ведем преследование.

— Это уже второй «гость» на Порогах,— сказала командир части, задумчиво глядя на болышую, во всю стену, карту.— И все здесь, на одном участке. Сейчас нарушитель из Лесной щели переметнулся в Глухую, пытается выскользнуть из западни, в которой очутился, и прескочить обратно к границе. Но планом его преследует наряд, а группа, поднятая по тревоге, перекрывает вероятные пути отхода...

— Кременькое испытание выпало для Грачева,— заметил начальник политедела.— Всего месяц, как из училища. Начальник заставы ушел в отпуск, он как замполит остался вместо него.

— Это что, тот лейтенант, к которому недавно призывали мать и невеста?— спросил командир.— Славная у него старушка, добрая. Да и девушка — прелесть. На зочный, слышал, переводится?

— Точно,— подтвердила начальник политедела.— Будет командир вступит заочно.

— А как у Грачева с квартирной?

— Свадьба у него скоро. К этому времени что-нибудь найдем.

— Для молодого офицера, а для молодой семьи тем более много значит первые шаги на новом месте. А Грачев.— Командир раскачивала вдоль карты, и по тому, как он искала полагдала на красный кружок, обозначавший Каменные Пороги, было заметно, что, говоря о жилищных делах молодого офицера, он думает о событиях на границе.— Грачев— офицер, на мой взгляд, серьезный, коммунист. Правда, я еще толком не успел к нему привыкаться, но есть в нем что-то. С изюминкой вроде человек... Где-то он, интересно, сейчас? Успел ли перекрывать выход из Глухой?

Подполковник Девяткин как человек, хорошо знающий «свои» кадры, тоже была неплохого мнения о молодом замполите.

— Совсем горяченький! Едва-едва с училищного пладу-жару.— Но цепкий, в деле хваткий. Парень искренний, славный. «На Пороги»,— спрашивает его,— поедете? Там хорошо— скалы, аркары, медведи...» А он мне: «Ой, товарищ подполковник, с детства люблю животных». И улыбается. Я принимаю вызов и говорю: «Рад, что у них появилась такая симпатичный защитник, а то охотников нынче развелось больше, чем зверей». «М-да,— посерьезнел, отвечает он мне.— Только бы, товарищ подполковник, там, на Порогах, поправилась маме и Галке». «Галка— это кто, жена?» «Никак нет, пока невеста». И ушел. Звнтра чуть свет ему надо было отправляться на учения. Утром дву вдоль бронетранспортеров: офицеры окружим новика и что-то с серьезным видом ему втолковывают. Догдываюсь: разгивают. Прислушался, так и есть— «уживают!» Пороги-де— это такой гиблый медвежий угол, там солдаты не столько службу несут, сколько срываемому ветром крышу на заставе приколачивают и от летающих в воздухе камней при-

чуться. «Неужели и вправду так?» — уточняет он у меня. Ведь я же благославляла его на Пороги!
«Эк, — подумаю, — молодое-зеленое. Если поверю, то считай, что один-вошь в их пользу». «Адаю, — говорит, — я отыгрался». Не знаю, отыгрался он или нет, но на третий день услышала приятную новость: лейтенант Грачев здорово отяжелел на учениях и от начальника Главного управления пограничных войск получил благодарность. А спустя две недели после того, как он заставу принял, вторая половина войск молодого Грачева опасного нарушителя задержала.

...Круто набирая высоту, вертолет все выше и выше забирается в небо, в безоблачную синь. Курс — на Камешные Пороги.

Внизу светлеет ровная степь, местами разрушенная чакмаки кустами и багало-зелеными травяными лужайками. Внезапно справа, со стороны горных краев, потянулось гигантское — другое слово было бы неточным — русло почти пересохшей реки, которая сейчас, в степь, извивалась по глубокому, каменистому ложу худосочной змейкой. Но немного воображения, и можно представить, какой этот ручеек в половодье. По такому руслу, наверное, промчал бы и шароход!
Не успею насмотреться на степь, взгляду открылись необозримые даже с поднебесья дали предгорного озера-моря. Тень вертолета сказочной ладью заскользила по водной лазури, на которой темные пятна облаков выглядели, как проступающие из воды острова.

Но ничто — ни разомлевшая от зноя степь, ни эзотические перепады озерных красок — не могло отвлечь от мысли о событиях на Порогах: о нарушителе, который скрывается в ущелье и пытается проскочить к границе, о аюлах Грачева, которые ведут погоню, стремясь сорвать замысел врага...

Озеро оборвалось так же неожиданно, как и началось. Натурно ревя, вертолет взялся еще круче и пошел отсчитывать горные пики. На вершину набегала вершина, ущелье сменялось ущельем, за перевалом открывался перевал. Так и в жизни: человек поднимается вверх, в гору, достигает перевала и с удивлением замечает, что это лишь очередной рубеж, который ему суждено преодолеть, а за ним, за этим покоренным перевалом, возмывается новый, более далекий и трудный. Нелегко, очень нелегко идти к нему, но идти надо — уж так устроил мир. И не будь на нашем пути этих условных вершин-перевалов, жизнь, вероятно, очень скоро стала бы серой и неинтересной и в конечном итоге потеряла бы всякий смысл.

Один хребет, второй, третий — и снова ныряем в туманную завесу. Косыми ударами, сначала не-

решительно, потом сильнее и звонче по металл-ческому телу нашей «стрелы» падают дождя.

— По-ро-га! — крикнул капитан Вдовин, командир вертолета. — Такая чертовщина тут всегда: то солнце и дождь с градом в курное яйцо, то снежная лава и солнце, а то все сразу.

Капитан Вдовин преземлял вертолет мастерами, в центр крошечного пяткача, окаймленного белыми камнями.

— Приехали, можно выходить, — сказал он и первым спрыгнул на зеленый ковер посадочной площадки. — А вы и сам хозяин Порогов. Жив, здоров и невредим. А уж сияет, как новенький грибочек.

Из «газика», лихо подкатившего к каменному бордюру посадочной площадки, во мнево лицо выпрыгнула высокой молодой офицер Олегривная китель и поправая сверху на солнце португалею, он направился к вертолету, неся на смуглом лице застенчиво-добрую, сразу распластавшую к нему улыбку. Как, неужели Грачев! Успел и нарушителя задержать, и на заставу вернуться, и даже нас встретить?

Да, это был он, лейтенант Грачев.

— Сегодня у нас радостный день, — спланировав с нами, пошутил он. — Только-только разорвался одного, а уже приходится думать о новых. И с той же подкупающей улыбкой продолжал:

— Как достали без происшествий?

— Отстранивал, сопротивлялся! — спросил мы о нарушителе.

— Нет, к счастью, спектакль прошел тихо, без шумового оформления. Хитрая попалась была. Помогал он нас по ущельям порядочно. Сунулся и одну цель — закрыто, кинулся во вторую — та же картина, метнулся к третьей дыре — и там красный свет. Обложил мы его, как зверя.

— А он?

— Я же сказала: хитрая лиса, хотя потом и прикинулся дурочком. Трезво оценил ситуацию, понял, что дело табак, и запросил парадную: так, мол, и так, охотник, заблудился...

При задержании нарушителя отлучился наряд младшего сержанта Владимира Гриценко и рядового Геннадия Свалюхина. Действовали они, как говорится, смело и умело. Заменяли, доложив на заставу, организовали преследование и затаили его в западню.

Позже, после того как я пошла на заставу, поговорила со многими пограничниками и ближе познакомилась с Грачевым, я убедилась, что первое впечатление не обмануло меня. Грачев был именно таким, каким предстал перед нами с первой минуты: простым, обаятельным, с юмором. Менялся он лишь тогда, когда непосредственно был занят делами охраны границы. В эти часы он преображался неузнаваемо, становился до суровости серьезным, даже чуть жестокатым, и чувствовалась, характер у человека — кремень.

На учениях, рассказывая солдатам-второкурсникам, Грачев так прочно и сразу, с первых же суток,

В наряде два друга, два уральца: Александр Стрелов и Валерий Колесниченко.

Учебный ночной бой.

службу на границе.

вписался в новый для него коллектив, словно был в нем всегда. И тогда же, на уезжах, он заявил о себе и как командир и как замполит. Современный бой сложен, ситуация в нем меняется с непостижимой быстротой. Но как ни изменялись условия боя, молодой офицер не спускал ни разу и ни разу не потерял хладнокровия: вовремя принимал пранальные решения и четко ставил задачу подчиненным. Однако и в этих условиях молодой офицер не забывал, что он политический работник.

Новый замполит солдатам понравился — прост и сердечен в обращении, доброжелателен, тактичен. Там же, на зиньках, он выяснил, что политработы в коллективе хромала на обе ноги, а впереди новое осложнение: сразу после уечной секретарь, все члены комсомольского бюро, агитаторы и редактор стеновой газеты демобилиуются, и оно вообще останется без помощников. Нет, подобная ситуация его не устраивала. Он не должен начинать и не начнет с нуля. Ни в коем случае! Не теряя ни минуты, надо решить «кадровый» вопрос — поговорить с людьми и пригнать, кому какую дать работу. Трудно было сделать это во время уечной, но все же он сделал. Комсомольское собрание — оно состоялось на второй день по возвращении на заставу — прошло по-деловому. Появились новое бюро, составили план работы. А уж вместе с членами бюро он поблизости об агитаторах, редакторах «молний», совете Ленинской комиссии. Казалось бы, все в порядке, даже трюналок, но Грачев не успокоился, он знал: пускать дела на самотек нельзя, за первым шагом должен последовать второй.

Несколько раз и порывался поговорить с Грачевым о его службе, но все время ему что-то мешало. Забот у него было непересчитать. То «формовал» нарушителя, то принимал и отправлял наряды, то просматривал свежую «молнию»...

— Я хотел бы встретиться с Гриценко и Свояковичем, — как-то за обедом сказал и Грачеву. — Где они сейчас?

— Как где? — удивился Грачев. — На границе. Там, на Порогах.

— Разве Пороги не здесь?

— Нет! Пороги там, за Большим перевалом.

— И когда вернутся?

— К вечеру. Если хотите, можете выбрать коня и съездить на Пороги. Это недалеко, километров пятнадцать, не больше. Я вам и отличного провозного дам.

— Кого же?

— Работод Александр Стрелова. Дней семь назад на тех же Порогах он вместе с младшим сержантом Вячеславом Шпунтовым опасного на-

рушителя задержал. А про мои дела мы сможем и вечером поговорить, идет?.

Вместе со Стреловым мы отправились в путь. Некоторое время ехали молча, держа направление на открывавшиеся вдали седловину Большого перевала. Внезапно косматые тучи, сидевшие на восточных вершинах, стремительно понеслись над холмами, делая их похожими на могучие океанские валы в штормовую погоду. Резко потемнела дорога. Перед морями холмев засверкала камен-то багаста. Порой освещенные солнцем, они испускали такие торжественные и сказочные сияние, будто это замаяка пшаль. Буйные травы на холмах быстро подвигались солнцу.

Однако свежее представление длилось недолго, минут десять. Тучи провалились, ветер улегся, и солнце мгновенно накалило воздух. Холмы «замышляе», окутывая туманом.

— Тогда дель был тот-в-точь, как сегодня, — сказал Стрелов.

— Его мы увидели вот там, в «мешке». Сапа показал рукой вниз на пирамидальные сосны.

Постепенно скалы все ближе и ближе подступали к тропе и вскоре зажали ее в жесткие тиски. Наконец, отставшие каменные стены почти сомкнулись, оставив сверху лишь узенькую голубую ленту. Мы очутились на дне глубокого, сырого, мрачного ущелья. Мешок не мешок, но шел неприятно. Тропа стала крутой, опасной, замаялась большими и малыми зигзагами, запырлаза с одной каменной ступеньки на другую. Пороги. Настоящие пороги!

Первым увидел нарушителя младший сержант Шпунтов, старший наряда. Он был впереди Стрелова и стоял там, где сейчас стоит он, Сапа Стрелова. Место здесь для наблюдения удобное. Выступ скалы, как шит, а тропа бежит дальше метров пятьсот, тропу, никому не спорочивая. Так что стоишь спокойно за громадой камня и просматривай все ущелье до того места, где оно раздвигается на рываки — Гаухую и Лесную щели. Вдоль старший наряда подад Стрелову знак — приблизиться к нему.

— Смотри, — сказал он, — всадник.

Вверх по ущелью, вдоль рывка, на изкорослой осыпке поднимался незнакомый им человек. Кто он? По виду то ли чабан, то ли охотник. К салу приторочен какой-то узел, за спиной — ружье. Но как его занесло сюда? Селений поблизости нет, да и места не для прогулок. Конечно, к встрече с нарушителем они себя готовили, и все же им не верилось, что человек, который спокойно к ним приближался, — враг. «Ты, Сава, — шепнул Стрелову Шпунтов, — осторожно подвинься на своем Шкале на верхнюю тропу и спустись у рываки — на всякий случай перерой путь к границе».

— Во-он эта тропа, замечаете?

Сколько мы ни всматривались туда, куда была протянута Сапина рука, ничего не увидели. Тропа находилась где-то над самым небом, у скал, над которыми неслась облака. Вероятно, заметить ее мог лишь наметанный глаз...

— Спотыкаются нарушители на Порогах? — спросил я.

— Помогаем спотыкаться, — засмеялся подхвачивший к нам Своякович и, поворачиваясь, сказал: — Вероятно, прощупывают нас, хотят узнать, где и на каком километре мы их остановим. А мы останавливаем их здесь, на первых метрах...

На заставу мы вернулись поздно. Едва расположились на ночлег, явился Грачев. По оступившемуся лугу и восточным габам было замечто, что он очень устал и держится на ногах лишь комо-сальным усталым влом.

— Сумасшедший день! — сказал он, опускаясь на табуретку.

Я предложил ему перебраться разговор на завтра, но он протестующе замаяка руками. Завтра его ждет столько дела, что вряд ли удастся выкроить несколько свободных минут. Лучше уж поговорить сегодня, благо разговор наш, должно быть, будет полезным. Да и, собственно, о чем ему, Грачеву, рассказывать? По существу, он, как замполит, сделал лишь первые шаги.

Трудно ли ему? Если говорить по правде, то, конечно, очень тяжело. С первых дней службы и такой груз на плечи, и столько разнообразий. Спать приходится урывками по два-три часа в сутки. Закрыт глаза, а в голове непрерывно стучит морзянка: «То-ва-рищ лей-те-нант... то-ва-рищ лей-те-нант...» Никогда бы раньше не подумал, что у замполита может быть столько хлопот и несо-средственных, замандатских, и командирских, и хозяйственных, и вообще...

— Застав, — продолжал Грачев, — высокогорная, люди выматываются порядочно, и тогда политработы не хромает, в коллективе должно быть особый камит. Ну, как в хорошей и дружной семье, где всем до всего есть дело и где всегда все делится поровну: и радость и горе...

Недавно состоялось собрание личного состава. Горькое было собрание, боевое. Решали и съезду партии сделать заставу отличной, выжать на соревнование соседей. Соревноваться так соревноваться! Свои вывоз привяли и тоже пересмотрели свои предельные обязательства... Что еще? Вроде все. Да, Гапка письмо прислала, пишет, что с переводом на заочное отделение все уже утрисла и скоро приедет. Интересно, поправится здесь Гапка или нет? Вообще-то должно поправиться: горы, леса, архар...

Атака, тоже учебная.

Старый пистолет

Не знаю, может, правда, может, нет,
Но ходит слух: в Париже много лет,
Иль под Парижем в маленьком местечке
Хранится тот, не сделавший осечек,
Престреливший дульный пистолет,
Которым он убил на Черной Речке.

Пусть это лишь легенда наших дней,
Пусть многое недостоверно в ней,
Пусть срок еще и нынче не настал
Для высылки правды или сказки,
Но ясно вижу я его металл,
Чуть потускневший от мажорной сказки.

И хоть с его системой не знаком,
Я мучаюсь отчаянно до зноя,
Как от прицела тают холодом,
Как возмезье он с подбитым курком
На бархатном на пропыленном ложе.

Быть может, устарел пружинный взвод
И за него никто не даст полшугу,
Но, притановись, он принадеждет,
Чтоб вновь кого-то вывести в расход,
Чтоб снова чью-то сердце взять
на мушку.

Ведь наша боль по-прежнему остра,
Защоть рубцы раненья не успели,
Что делать, если только лишь вчера
Для нас убит был Пушкин на дули.

И на земле для нас покоя нет,
И в жоким нет другого интереса,
Пока убийцы не отыскан след,
И трудно дышит раненой воет,
Пока еще не выбит пистолет
Из безурочно белых рук Дантеса.

Констанца, 1970

Скитальцем
здесь умер Овидий Назон.
Констанца,
ты вся, как предурегнир сон.
Ты ветром
исхлебана, словно жгутым.
Ты в этом,
ты плоско
а может быть, именно в том,
ложивший залив вдалеке.
Ты горста
солесных орешков в руке.
Ты плотный
туман, обступивший суда.
Ты потный
стакан лимонада со льда.
Ты росы
отней, что рукой не достать.
Ты проза,

что хочешь поэзией стать.
Как в танце,
бегит за волною волна.
Констанца,
каканье песчаного дня.
Ты кружишь
по мокрому пляжу тайном.
Ты дружишь
с льняным полотном парусов.
Ты шаришь
по мокрому пляжу тайном.
Ты жарышь
на ушечке мясо куском.
Да мало ли
избрости тебе может на уш!
Навалом
ты грузишь столетия в трюм.
Незрмый

на все здесь остался налет:
то Римом,
то Гречией древней пахнет.
То боком
колонна спишет в бурелом.
То коноль
напомнит спешит о былом.
То гранет
вовсю колонольная медь.
То астанет
под самое небо мечеть.
За что же
мне это в награду дано!
Здесь можно
искать Золотого Руно.
Констанца,
на реде медлительный дым.
Останься
навеки ваденьем момм.

Южная станция

Я пред тобою в долгу неоплаченным,
Я о тебе еще все не сказал.
Ты, как рисунки набросанный начерно,
Южная станция, летний вагончик.

Тронуться с места глухие оспарив.
Будни и выходы одетые в дым.
Поезд уйдет, оставшая в отчаянье
Все, что не может научиться за ним.

Поезд уйдет, с тишиною расправившись
И нырнув из тизмелой в дым.
Тротек шипит поочередно изливаний,
Спустошая агитовенно нервом.

Это проснется, стена и окут.
Что и в твоей памяти высветит след.
Эти платформенные поочередно изливаний,
Иль с подачею пива бурфет.

Что-то лицо за онеюнюю радиою,
Спавных вагоном светящийся ряд.
Или слова, вероятно, те самые,
Что на вокзалах всегда говорят.

Поезд уйдет, ничего не останется,
Только на стк отозвавшийся мост,
Только фонарные дуги да станция
С мокрой пригоршню, полною звезд.

★

Охотник до сказок

Не забуду,
Не забуду
Ни ручек,
Ни соплишко.
Смыла заон ручей,
покуда
Просвечивало домишко.

Смыла заон,
Пока ходил я,
Ничего не делаю,
И расправляла крылья
Девочонка белая.

Подожел однажды к
ней —
На всю жизнь
растросился.
Перестал звенеть
ручей —
С домишком
Поссорился.

Воет,
Воет,
Ветер воет,
Ветрою все овалюю.
За ведрою ключовую
Вышла Тимофеяна.

Как зима идет сядюю
По-над белой кручею,
А в руках — ведро
пустое
И клюка сирнучая.

Далеко идти придется
По сугробам огненным:
Все дорожки до колодца
Вьюгой заворонены.

Сирни да сирни.
Шаги не сирны.
Вьюга разгорается.
Кто так!
Кто это на взгорку
Быстро поднимается!

Снега толще так немало
У дубка лоскотового.
Постояла и узнала
Мишка конопляного.

Он по снегу лезет
в амбиво,
В пошубую,
В валенках.
На лице его улыбка —
Теплая проталинка.

Он идет, идет по горке
Белым-белым везичном.
Вся вода в его ведрочке
в ледяных комочках.

Мелкой крупкой
снеговую
Все на нем усеею,
— Это вода испит и воду.
Марфа Тимофеяна!

Он такими шагает шагом,
Что вода плыскается.
— Не ходите!
У оврага
И клюка сломается!

А колодець за сирною
И дымит,
И вылохотся,
И тышвет под горюю
Крохотную лужицу.

Изд ведрочку ледяника
Изогнулась ледяника.
Помогает этот Мишка
Бабушке два месца.

Носит воду,
Вон киршала!
Ручи к ней приучены.
И склопается старушка
К шапке нахлобученной.

Мишка вновь играть не
хочет
С новым салазикам.
Ходит Мишка даюю
ночью
К бабушке за сказками.

И она всегда с охотой
Садит Мишку
рядышком —
Сопитесь его забота
Соплишком для
бабушки.

Как мне быть с тобою!
Вышла из снегов.
Вещь теплотую,
А сама злыною
Вышла из снегов.

Что ты мне сказала!
Проскочила тишь,
В воздухе леталаю
Что ты услышала!
Или ты тишь!

В ней с метелью тонут
Белые леса.
Только руку трону —
И замылется звоном
Белые леса.

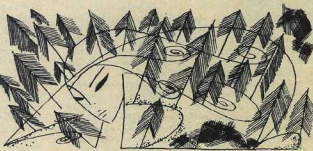
Белою метелью
Схвачен белый свет.
Белое неселье!
У зеленых елей
Ты и белый свет.

Вся ты как из сна лиши!
Ты зовешь, зовешь.
Словно свет, мерцаешь.
И сна не знаешь,
Как зовешь, зовешь.

Ты зови!
Все тине
По снегу хоюю.
Тут, где небо выше,
Ты все ближе, ближе.
Тихо отхоюю.

Отхоюю — слышишь
Шорохи следов.
Ты идешь виднее.
Все болонки, болонье
Шорохи следов.

Что это за морок,
Снежные пути!
На снегу в проторах
Паводко, как в горках,
Ты и снег в пути.

которыми неши гида гордились особенно, потому что рынки переливались многоцветием осеннего изобилия. Мне понравился американский футбол — в Джорджтаунском университете мы смотрели матч студенческих команд — игра отчаянная и экспансивная. Мне понравились неглыбны, работающие круглые сутки. Мне нравилось, что американцы — и молодые и седовласые — были дружелюбны к нам, с готовностью смеялись, демонстрируя искренность и чувство юмора. Мне нравились дороги и машины — комфортабельные и скоростные, я буду долго помнить сердечность Элли и Клайда Уэстов — негров, у которых я жил несколько дней в Филадельфии, и Нормана Перерфу — моего гостеприимного хо-

влением национальным, если в преуспевающей стране все больше и больше отнюдь не голодных людей, объединившись с бедными и голодными, публично выступают против буржуазного государства. Тогда ницета из фактора материального становится проблемой социальной, политической...

Да, Америка впечатляет. В Америке есть чему подивляться, есть чему поучиться. И все-таки не оставляет ощущение: Америка не то, за что она себя выдает. Есть такой признак: если человеку плохо, он улыбается. Такое же, мне кажется, происходит с Америкой.

Она улыбается, она сверкает витринами, рекламой, благополучием... Но улыбка эта неискренняя, вымученная

"ГРИММЫЕ БРАТЯ"

1

а, Америка производит впечатление. Мне понравился Нью-Йорк с его небоскребами, которые меня поразили, но не подавляли. Выстроенные в четкие кварталы, они, правда, не напоминают ущелья — сравнение не новое для Нью-Йорка, особенно для Манхэттена, — ну что ж, у каждого города свое лицо, вот и у Нью-Йорка свое, к тому же ведь эти дома, упирающиеся в облака, — дело рук человека, и, проходя по нью-йоркским улицам, я поражаюсь именно этому — умению строить, умению американцев работать.

Потом мы видели другую Америку — Вашингтон, студенческий городок Индианопольс на севере Штатов. Столею осень. Неприбранные улицы были усыпаны кленовыми листьями, прирывающими черную наготу асфальта, и нью-йоркские небоскребы казались иной цивилизацией в этих городах с классическими зданиями, широкими авеню, просторными площадями и какой-то загородной тишиной.

Мне нравились американские оптовые рынки,

заяна из Мидлбори, — он преподает в колледже русскую историю; я вновь и вновь мысленно прохожу по залам Музея современного искусства в Нью-Йорке, припоминая полотна французских импрессионистов; слышу музыку знаменитого Филадельфийского симфонического оркестра: Джиминиани, Вебер, Стравинский, Барток; вспоминаю студенческие вечеринки с пивом из консервных банок и маленькими американскими бутербродками...

Вновь и вновь перебираю я в памяти калейдоскоп американских впечатлений, лиц, событий, но — странное дело — меня не оставляет мысль, что все увиденное мною — лишь недозазнанное начало, лишь подтекст, а текст в ином. Главное не только лишь в том, что увидено, а в том, что понято.

Байльдек назвал один из своих романов «Блеск и ницета куртизанки». Не хочу оскорблять великую страну Америку и сравнить ее с куртизанкой, но, ей-богу, они в чем-то похожи. За блеском и богатством тщательно припрятана ницета. Ведь ницета — это не только бедность и голод, хотя и бедность и голод в Америке отнюдь не редкость. Ницета может быть

* * *

В Нью-Йорке я встретился с корреспондентом АПН в Америке Генрихом Боровиком. На экране телевизора носился справедливый новобом, беззвучно падали из ружей — звук мы убили, чтоб не мешал говорить, — а Боровик рассказывал про «Молодых пордов» и про смерть одного из них — Хулио Ролдана, восемнадцатилетнего пуэрториканца. «Лорды» боролись за освобождение своей родины, за социальное и расовое равенство — они ходили по пуэрто-риканским кварталам Нью-Йорка и переплывали тех, кто болел туберкулезом и кому нужна немедленная медицинская помощь. Неожиданно один из «лордов» исчез. Его разыскали в тюрьме. Полиция объявила, что Хулио арестован за попытку поджечь дом, — явная нелепица. Другой Ролдан начал борьбу за его освобождение — залог за него стоил 1500 долларов. А еще через несколько дней полиция объявила, что Ролдан окончил жизнь самоубийством: повесился на ремне в камере-одиночке. Но почему у него оказался ремень? Ремни у заключенных отнимают. Почему Хулио оказался в одиночке — по закону он должен был содержаться в

общед камере! Среди протургорнианцев началось волнение — «Молодые лорды» требовали расследования смерти Хулио. «Его убили», — утверждали они.

На похоронах «Молодого лорда» Хулио Ролдана собрался сотен протургорнианцев. Возле гроба в методистской испанской церкви выставили вооруженную охрану... «Лорды» утверждали, что истинной причиной убийства стала месть полиции: «лорды» подстрекали бунт в Нью-Йоркских тюрьмах против жестокого обращения с заключенными...

На экране молчащего телевизора бесновали страдавшие американские ковбои.

Они падали из ружей, защищая индейцев от

шине, откатывали выстрелы, потом поднимался сумятица полицейской сиры.

Наутро нас привезли к могиле возле негритянской церкви. За деревянным штакетником, в круге из цветов стоял мраморный памятник: Мартин-Лютер Кинг-младший. Возле могилы толпились небольшая группа молодых негров. То, что из автобуса шло к могиле столько белых, поразило их, они недоумевали, не зная, что делать — радоваться или опасаться, а услышав, что это русские, позавали нас в церковь.

— Там его отец, — с готовностью объяснили они нам.

Отец Кинга — доктор Мартин-Лютер Кинг-старший — полноватый, седеющий негр, стрелит нас

много, — улыбнулся он. — У меня одиннадцать внуков и один правнук.

Мы заговорили о борьбе негров за гражданские права, об убийстве его сына.

— Я не политик, — сказал старик. — Я проповедник. Убийства — источник невинности. Человек научился летать, как птица, плавать, как рыба, он пожал руку Луле, но он до сих пор не умеет ходить плечом к плечу друг с другом и жать друг другу руки, как брат. Вот потому я вставлю, чтобы каждый человек был братом другому человеку. Я не ненавижу человека, который убил моего сына. Нет горечи, нет преграссудков. Я никогда не подниму руку на убийцу сына, потому что не он один нажимал на спусковой криво-

АМЕРИКАНЦЫ

Студенческий дебри в Гарвардском университете. Дискуссия в негритянской колледже в Атланте, служба в негритянской церкви в Филадельфии... Спокойные американцы, каждый из которых не имеет никакой гарантии, что завтра он не окажется на подполье или в лагере...

жестоким угнетателей. Шериф поддерживал законность...

Я так и не знаю, чем кончилось дело Хулио Ролдана. Расследовали ли власти, почему заключенные погибают в тюрьмах? Впрочем, имеет ли это значение! Пусть даже случилось невероятное, и преступники из полиции найдены. И даже наказания.

Найти преступника в США еще не значит восстановить справедливость.

* * *

В Вашингтоне нас предупреждали: не ходите вечером в одиночку: вас могут ограбить; и действительно, в восемь часов, когда еще совсем светло, واشنطنские улицы пусты. Столица Штатам напоминает черепашку, убравшую до утра под панцирь железобетонных перевертыш свою голову. Изредка проносятся машины. Теперь, говорят, и на машинах по Вашингтону ездить небезопасно: гангстеры научились грабить и их.

В Атланте, когда мы улеглись спать, под окнами начался перестрелка. Гулко, в безлюдной ти-

в одной из церковных комнат. Он должен был уезжать по делам, и интервью, которое я у него взял, было «на ходу».

Первый вопрос, конечно, был о нем. Ему 71 год, он родился в дальней, глухой деревушке, два-три месяца в год удавалось посещать школу. Потом приехал в Атланту, учился в вечерней школе — днем работал, потом поступил в колледж.

В тридцатом году родился сын — тот самый, известный всему миру Мартин-Лютер Кинг-младший, убитый только за то, что боролся за равенство негров.

— Он тут родился, тут вырос, — сказал отец о сыне — став проповедником этой церкви, когда я ушел на пенсию. У меня были два сына и дочь. После убийства Мартина они утонули второго сына. Он тоже должен был стать проповедником. У меня осталась одна дочь, я вернулся в церковь и снова служу, хотя был пастором 51 год. Я передал свое дело сыновьям; теперь я принял их дело. Мы строим Мартин-Лютер Кинг-виллидж, район недорогих жилых домов для негров, недалеко от церкви строим жили для ребятней и дом для престарелых, школьный корпус... Нас

чок. Я не верю в смерть сына, он жив. Его любят люди, значит, он жив...

Мы замолчали. Старик сбился на проповедь, а мы не верили в нее.

— Но ведь вашего сына убили по политическим мотивам, его ненавидели враги...

— Нет, — ответил старик, — я не считаю это убийство политическим.

Расставание было нелепым. Наши точки зрения, оказалось, не совпадали. Я подумал, что Кинг-младший обошел Кинга-старшего. Отец там и остался проповедником, сын же стал борцом.

Мы вышли из церкви, снова подошли к могиле. Лицо старика проповедника стало строгим и сдержанным. Он стоял возле мраморного памятника и ушел. Его ждали церковные заботы, строительство школы и жилого района. Прошлясь, он обронил:

— Они не смогли уничтожить Кассиуса Клея. — Накануне был знаменитый матч в Атланте. — Он доказал, что его нельзя победить.

Я улыбнулся. Неловкость исчезла. Старый негр проговорился. А проповедню он просто прикрикнул, чтоб не говорить большого: если сын продолжает дело отца, а отец продолжает дело

сына, значит, суть тут не в одной общей вере. Сын-борец вырастает радом с борцом-отцом. Вера и район дешевых домов, и строительство школы, и проповеди в церкви — это все борьба...

* * *

Бой Кассиуса Клея, первый бой после того, как он отказался воевать во Вьетнаме, вызвала настоящие ажиотаж. В самолете, которым мы летели из Вашингтона в Атланту, был пастор, который заплатил за билет на матч 100 долларов. Я увидел того бой спустя несколько дней, уже в Филадельфии. А перед этим газеты сообщали о второй сенсации, связанной с боем Клея: после матча устроители его организовали банкет, на который приглашалась городская знать. У подезда отеля, где давался ужин, гостей встречала respetable женщина и проводила их в подвал. Гости встречали вооруженные винтовками люди. Они отнимали деньги, драгоценности, а Клей безуспешно жалг гостей в банкетном зале. На утро газеты объявили «цензу» грабежа — 100 тысяч долларов.

Так Америка котмчала победу Клея. В Филадельфии, куда мы прилетели из Атланта, меня встретил почтовый клерк, негр Клайд Уэст. Я должен был несколько дней провести в его доме. По дороге Клайд сказал мне, что он

га убил, потому что он мешал. Убийство, конечно, политическое.

Элси — член правления прогрессивной национальной негритянской церкви. В воскресенье она пригласила меня на службу. Я с удовольствием согласился: это было любопытно.

— Только учтите, — улыбуясь я, — Вы приглашаете агента.

Элси засмеялась.

— Это неважно, — сказала она. — Негритянская церковь занимается не только проповедями.

Я уже знал об этом по рассказу Кинге-старшего, но все равно многого бы не понял, если бы не два события, которые предшествовали церковной службе.

Первым была поездка к Элси Уэст на работу. Она служит на бирже для безработных.

В небольшом зале перед барьерами стоит несколько очередей. За барьерами сидят служащие. Они заполняют карточки, проверяют информацию, которую сообщают о себе безработные, пришедшие за пособием. В зависимости от ставки, зарплата и причины, по которой человек не работает, он получает документ на получение этого пособия.

Бросился в глаза: в очереди было много негров. Негров малодей. Я вспомнил любопытную статистику, вычитанную в американской прес-

ведено крупно: «Now» (нет!) и дата. Значок означал принадлежность к участникам воскресной антивенной демонстрации.

Утром мы поехали на демонстрацию.

Первое, что бросилось в глаза, когда мы подъезжали к площади Независимости, — полицейские кордоны. Суконные мундиры стояли, бесечно переговариваясь, пошевеливая резину, нехотя пропускаясь возле своих машин с синими мигалками и уснувшими сиренами. Полиция подремывала, а на площади, в каменной ее чаще шептунг. Пела антивенные песни девушка, подпрыгивая себе на гитаре. Выступал представитель Кентского университета, который говорил о том, что доклад государственной комиссии по расследованию волнений в Кенте тенденциозен, не объективен и во всем обвиняет студентов. Его прерывали дружными криками одобрения. Студенты выкрикивали два палца в форме буквы V — Виктория, Победа. Одежда на демонстрантах была самые разные, мелькала липитический динновочные приреси, пари с автоматами в масквочных комбинезонах очсетворяли ус-

Студенческая демонстрация в Филадельфии.

Молодая афроамериканка вырвалась на своей лице знак борце против войн...

очень бы хотел устроить встречу с Кассиусом Клеем и даже уже договорился о ней, но в последнюю минуту встреча стала невозможной: жена Клея получила анонимное письмо, в котором сообщалось, что в квартиру бросят бомбу. Обещание пришло после победы Клея на ринге.

На другой день вместе с Уэстом и его женой Элси я был в гостях у их друзей. В тихую квартиру набралось человек двадцать. Мы смотрели по телевизору бой Клея, записанный на пленку. Лидо Кассиуса было жестким, даже злым, когда он говорил со своим соперником перед первым раундом. Все сидели молчаливые, хотя результат был давно известен.

Когда передача закончилась и телевизор выключили, кто-то сказал в тишине:

— Он не мог не победить.

* * *

Однажды вечером я рассказал Клайду и Элси о встрече с Кингом-отцом. Вспомнил, как он сказал, что не считает убийство сына политическим. Лица моих друзей стали серьезными.

— Я хорошо знала Кинге-младшего, — сказала Элси, — я сама участвовала в серии маршей за гражданские права негров, и спора тут нет: Кин-

се: только за последний год безработных в США стало больше на 1,4 миллиона человек, а это 5,6 процента занятого населения. Известный американский экономист Пьер Ринфред утверждает, что к концу 1971 года безработца поднимется еще выше и составит 7,9 процента занятого населения. Безработица обрушилась на цингос. Каждый третий молодой негр Америки не может найти работу...

Элси знакомила меня с служащими, со своим начальством. Все вежливо улыбаясь мне, рассказывали, как государство обеспечивает безработных пособиями, а я не мог отрываться от очереди — к барьеру медленно приближался молодой негр.

Он оглядывался по сторонам, потом опускал голову, обводит безразличным взглядом шляпы стоящих впереди, поглядывая на клерков, сидящих за стойкой, на меня... Я стоял среди оживленных служащих и думал, что ведь это, в сущности, так легко понять — почему они общительны и оживлены, а они молчаливы и угрюмы...

* * *

В субботу Элси подарила мне круглый, как большая пуговица, значок, на котором было вы-

ловную охрану демонстрации: разве попрешь с пластмассовыми автоматными против вооруженной полиции! Прямо на митинге раздавали листовки, собирали центы в помощь антивенным организациям, «Черные пантеры» продавали свои флажки и газеты. Меня познакомили с девочкой: прямо на лице она нарисовала антивенный знак — темную разницу на голубом фоне. Она сказала, она студентка. Девочка засмеялась: «А кем же я еще могу быть, раз я против войны! Против нее все студенты».

Позже, в Мидлбери, я разговорился с одной девушкой, секретаршей профессора русского языка. Мы говорили о ее работе, о ее заработке. Деньги на еду и на жилье она старается тратить меньше, остальное кладет в банк. «У меня есть жених, — сказала она, — Он был студент, теперь служит во флоте, и я коплю на свадьбу. Он должен скоро вернуться. Только бы его не отправили в Азию!»

Она замолчала, опустила глаза... «Только бы не отправили в Азию! Он боролся за своего жениха, а ты вот так — откладывай деньги в банк. Она надеялась, что все обойдется. Дай бог, чтобы все обошлось. А эти, на демонстрации, борются никак».

Воскресный митинг в Филадельфии проходил вскоре после того, как президент подписал несколько законов, ужесточивших меры пресечения беспорядков, в частности студенчески забастовок и митингов на территориях университетов и колледжей.

Студенты вскидывали руки с двумя разведенными пальцами, требовали победы, и в крике над площадью Независимости было что-то сильное и единодушное. Истались на ветру транспаранты и звездчато-полосатые американские флаги.

Я открыл фотоаппарат, чтобы снять митинг, и ко мне немедленно подошел парень.

— Какой журнал! — спросил он требовательно. — Какая газета?

Я молчал, не зная, что ответить. Парень озлобленно и не отступил:

— Какой журнал! Какая газета?

Ко мне на выручку подбежал гид. Парень отъезжался.

— Что это он так строго? — спросил я гида.

— Он дежурный, охраняет демонстрацию. Бывает, что демонстрируют фоторадируют сотрудники ЦФР. А потом начинаются неприятности, — пояснил мне гид, хороший парень, который очень хотел, чтобы я восстался Америкой супермаркетов и небоскребов.

столь же белоснежными шляпками или турбанами на голове; в прихожей висел портрет Кинга-младшего.

Потом началась служба, и гид перевел мне строку из Библии, которая стояла к программе как бы эпиграфом: «Если бог стоит за нами, то кто может быть против нас!» Проповедник читал молитву, сложением хором прихожане повторяли ее, среди негров было лишь двое белых — мы с гидом, и я неожиданно понял слова Элиса, сказанные он накануне: «Негритянская церковь занимается не только проповедями». И еще я вспомнил лицо того молодого негра в очереди за пособием по безработице: как безразлично глядел он вокруг! Но ведь он же верит, что история ходит в церковь и знает, что против него никто не может устоять, если с ним бог. Но бог с ним. А он без работы. Без денег.

Впрочем, ведь это не противоречит словам Элиса. Негритянская церковь в Америке стала не только местом молитвы, но культурным, социальным, политическим центром. Этот негр придет в церковь, его ободрают, ему могут дать дешую помощь. Но, ободрав и помогая, все ясно понимают — суть ведь не в этом. Суть совсем в ином.

Не зря есть в каждой негритянской церкви визит портрет Мартина-Лютера Кинга-младшего...

школы 85,2 процента белых и 50 процентов негров. Закончили колледжи — половина белых и лишь четверть негров. А вот «сводка» настроения:

Довольные американским образом жизни: негры — 50 процентов, белые — 80 процентов.

Недовольные американским образом жизни: негры — 30 процентов, белые — 15.

Бунтовщики (те, кто участвует в демонстрациях, протестует, активно борется за свои права): негры — 20 процентов, белые — 5.

Это лишь три выкладки из исследований Эмерского социологического центра. Задача ученых, которыми руководит профессор Кроферд, — наблюдать, описывать, констатировать. Но не прогнозировать. Впрочем, прогнозировать и не стоит.

«Молодые поряды, жизнь и смерть Кинга-младшего, демонстранты на площади Независимости, судба Кассуса Клея, отказавшегося воевать во Вьетнаме, и без того красноречивы. Эти факты, эти люди, эти истории прогнозируют будущее Америки.

Я назвал свой отчет о командировке в Америку «Криминальным» американцы. Я хотел рассказать об обычных американцах, о людях, которые не требуют невероятного, и тем не менее становятся «криминальными», потому что интересы

А потом мы поехали в церковь. Элис была в красном плаще, которое шила все день накануне, пока мы ездили по городу и к друзьям. «Приходится экономить», — объяснила она. Уст было тоже празднично одет, как и я, и дочь, восьмилетняя Робин.

Мы пришли незадолго до службы, и Элис как активистка негритянской церкви показала мне ее. Кстати, церковь эту прихожане на свои деньги и своими руками передавали из бывшего склада. Элис водила меня по классным комнатам, где негритяские ребятишки учат уроки, занимаются рукоделием и самодельками, показала столовую, где можно дешево перекусить, зал, вроде клуба, где стояла большой цветной телевизор. В церкви были электронные машины для голосования — дело происходило в канун выборов.

В программе воскресной службы я заметил список больных прихожан — их телефоны и адреса, чтобы каждый мог навестить или позвонить; много знакомых с активистами церкви — их половина из 300 прихожан; —нерядными, по-прежнему одетыми неграми; —женицами, как правило, были в белоснежных длиннополых одеяниях со

А теперь нечто вроде эпитафии... В Атланте мы были в Эмерском университете. Нас принимал руководитель центра социальных исследований профессор Фред Кроферд. Центр Кроферда оказался одной из многочисленных организаций США, которые занимаются социологией на широком аспекте — от изучения общественного мнения до изучения «психологии» убийц. Так, один из исследователей пишет книгу об убийце Кинга. Но в основном профессор Фред Кроферд и его ученики изучают студенческое движение и некоторые расовые проблемы, мные за стены колледжей и университетов выходят довольно далеко.

Профессор оказался очень любезным и милым человеком и под кофе прочел нам небольшую лекцию, основанную на его новях, как он выразился, данных.

Из этих данных профессора Кроферда — много представляють безусловный интерес — я приведу лишь часть. Вот они.

Из 251 тысячи бедных семей в Атланте 75 процентов составляют негритяские семьи, 25 процентов — белые. Закончили общеобразовательные

эти рядовых и обычных американцев чем дальше, тем больше припадает в разлад с официальной политикой США.

«Криминальным» стало чуть ли не все студенчество Америки, потому что оно в один голос против войны во Вьетнаме и Камбодже. «Криминальными» стали чуть ли не все негры, потому что они борются за свои гражданские права и потому что большая часть безработных — это негры. «Криминальным» стал боксер Кассус Клей.

Все жестче репрессии в Соединенных Штатах. Судимые над Анджело Дэвис, против которого протестует буквально весь мир, еще раз подтверждают, как быстро может стать виноватым и в чем не виновный человек.

А вот одно сообщение: «Нью-Йорк (ТАСС). Чикагская полиция арестовала вчера более ста учащихся одной из средних школ города, выступавших с протестом против расовой дискриминации и плохих материальных условий».

Америка, Америка, ты арестовываешь уже детей...

НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА.

Галерея
шедевров

ПЯТАЯ ТРОЙКА

Ольга ВОРОНОВА

6. ПОЛДЕНЬ

Поздно вечером Мазин вышел к Волокову и, освесившись, как ядут дела, сказал:

— Возможно, я смогу помочь вам, Дмитрий Иванович. Но сначала нужно побывать на Краевой речке.

— А он не сбегит, Игорь Николаевич?

— Нет. Скажи своим ребятам, пусть спят спокойно. А Глебу персональная благодарность. Он мне помог.

Потом Мазин вернулся домой и долго беседовал с Сосновским.

— Кажется, это — единственное решение, Борис? Или я увлекся?

— Не сомневайся, что ты прав.

И все-таки почти до рассвета он не мог заснуть...

Вертел летел на Красную речку.

Его черная тень, бегущая вперед, уменьшилась. Летчик сбавил высоту, чтобы пройти над плоской вершиной одной из двух гор, замечнувшихся из долины другими, сменяющимися, голыми склонами. Рядом с машиной появились расплывающиеся в воздушном потоке оред! Он смотрел на шумливую, брызгающую, с выплывающим хвостом птицу подозрительно, недобро. Проводил немного и, накренившись, ушел, легко сдвигаясь вниз, к озеру, которое, как и говорил Мазину Коля, сидело среди льда оттаившими полынками. Тень от вертолета пересекла озеро и затемнела в теснине. Машина начала снижаться. С одной стороны Мазин увидел узенькую, разбухшую на выступах ледяного водопоя, с другой — надвинувшись коричневатые камни. Он понял, что это и есть «красные скалы».

Человек в гимнастерке ждал их внизу. На шее у него висел карабин. Признав старшим среди прилетевших Волокова, сгерь пошел и потянул через голую ремень.

— Добровольно сдаюсь на решение правосудия, — произнес он заранее, видимо, затоптавшись фразой и, оглянувшись на Мазина, добавил: — Вини за собой никаких извин!

После этого Матвей положил карабин на землю.

— Вы Филищенко?

— Так точно, товарищ майор. Разрешите заявить, никакого золота тут и в помине не было. Самолет же вот так находится, а летчика прах, то есть что осталось, поблизости. Все как было, ничего не трогал.

— Посмотрим.

Они пошли пешком: рядом с Матвеем Олег, за ним следовали из процедуры, потом Волоков и в хвосте капитан с Глебом. Валерий остался с Мазиным.

— Почему Паташона не арестовали?

— Не весь материал собран.

— Знест-то кто искать? И зачем вы меня притащили? Забил вам Олег голову существующим законом?

— Матвица обязана проверить такие заявления!

— Я-то зачем?

— Ты мне сейчас поможешь, Борис, дай ему компас.

Сосновский вынул круглую коробочку, Валерий с недоумением покрутил ее перед глазами.

— Ты можешь определить направление север — северо-восток?

Художник подержал компас на ладони, дожидаясь, пока успокоится стрелка.

— Вода?

— Сюда. Отправляйся к водоподу и отмерь от подножия ровно сто тридцать семь шагов на север — северо-восток.

— Повнулось, потому что абсурдно.

Пока он выматывал по два теснина, Сосновский заметил:

— Если это не плат, а метры, возможно расхождение.

— Вряд ли у него была рулетка.

— Ой! — закричал художник. — Что дальше?

— Стой на месте.

Мазин подошел к Валерию, взял компас и направился к красной скале. Оттуда он отсчитал пятьдесят четыре шага и вернулся почти на то же место, где ждал художник. Речка здесь срывалась с уступа небольшими водопоями, под ним виднелось углубление, куда не проникал поток. В углублении зеленым мохом камни.

Мазин принес из кармана:

— Неужели вы думаете, что там винную золоту? — спросил Валерий пресмыкающимся, изменившимся тоном.

— Не уверен.

— И спущусь, — предложил Валерий.

— Посторонние. Не посылаться.

Художник двумя прыжками соскочил вниз и, прижавшись к откосу, протиснулся в углубление, не задая толчка. Сверху была видна его спина и затылок с расстравившимися волосами.

— Вот!

Он повнурился в волнинии, и вода хлестнула его по лицу.

— Что?

— Ящик железный, вроде тех, в которых везут кинофильмы.

— Ты можешь выгнать его?

— Попробую.

Валерий дернул за ящик и отскокчал, снова попла под водопод.

— Он легкий!

— Оставь ящик и вылезай. Нужно дожидаться товарищей, как положено.

Валерий растерял по лицу брызги.

— Что ж произошло, Игорь Николаевич?

— Что понял, расскажу...

Они сидели на широком брезенте, который летчик вытаскил из машины. Посредине Мазин положил испачканный носовой платок, портсигар и поперевини, обожженные в пепел подожки с ботинком.

— Передаю вам, Дмитрий Иванович, — сказал он. — Вот вам еще, — буркнул Филищенко и бросил на брезент гильзу. — А гильза в труду, Игорь Николаевич.

— Мазин отодвинул гильзу немного в сторону.

— Не знаю, как начать... В плане поиска или шире? Попробую, как получится. Завершилась трагедия, разбухнувшая на много лет. Случай облек ее в драматическую форму, так что разгада непонятного выдвинулась на первый план. Но все тайны рано или поздно раскрываются. Он логизм уступают место разумным, проблемы криминалистические сменяются нравственными, человеческими... Впрочем, я собираюсь держаться в рамках фактов.

Были паренек. Талантливый паренек. Он еще не знал, что талантлив. Так случается нередко, особенно в молодости. Люди склонны переоценивать свои возможности, но бывают и наоборот: их не замечают. Он совершил ошибку и поплатился за нее строго. Законом для всех одинаков, однако сами мы разные, и время течет для нас по-разному, особенно за решеткой. В семидесятые годы оно может показаться бесконечным. Три года для заматерелого преступника — семечки, для Михаила Калугина (я буду называть его так) — вечность.

Он пытался бежать и срок увеличился. Да, Валерий, Михаила Калугина полюбил... Мазин повернулся к художнику, собирающемуся возразить. — Кушнарер не обманул меня. И тебе отсюда скавал правду. Но Кушнарер сказал о первом побеге, а Михаил Михайлович имел в виду второй. Он спешил и говорил только о главном.

Срок увеличился... Теперь ему и конца не было. Парня охватило отчаяние. Поставил себя на что место, и вы поймете! Я не оправдываю Калугина. Он совершил уже две ошибки, и обе с точки зрения закона были преступлениями. Закон действовал неотвратимо, но справедливо. Однако ему, человеку предельно эмоциональному, положение представляется безнадежным...

И он совершает третью ошибку. Ошибку, за которую придется заплатить жизнью... Не скоро. Впереди еще четверть века. А пока возникает мысль снова бежать. И тут, к счастью, как понаказало Михаилу, и к большой беде на самом деле, находится человек, который берется ему помочь. У этого человека, несмотря на сравнительно молодой возраст, есть много имен, но самое популярное из них Паташона.

Безобидная кличка... Не Акула, не Удач. Шутовская кличка. Представляешь мелкоростного человечка, склонного к ожору, любителя пошестить. Тогда еще помнил забавный персонаж из моего кино. Но мне приходилось замечать, что из таких невзрачных шутов вырастают самые коварные и злобные «удачи» и «акулы» не по кличке, а по сущности. Может быть, на их скандинавские характер пути в «вышние круги» преступного мира.

С чего обычно начинает Акула? Он первый парень в своем квартале, его боится, его девочки любят, он педер, не скопидомничает, он по-своему великодушен. Нарушает закон он сначала из озорства, из безнаказанности, от небольшого ума, по нашему недомуту, а потом уже обнаруживает, что забрался далеко, что путь назад труден. К трудностям же он не привычен. И появляется злоба. Увы, не на себя, а на окружающих, на жизнь, которая «пошла». Все началось, как так хорошо, весело, легко, а что вышло? И вот затерялся, растворился беспобавный парень. Он уже Акула. Акула не озорует на улице. Он там дела делает. И подбирает нужный человеческий материал. Но младших. Иоторыми можно помыкать, атагивать и посылаться: «Развейся-ка мне ботинки, Паташона», «Постой на стремя, Паташона», «Продель в это окошко, тебе, худому, удабно!»

Почему же Паташона распухывает ботинки, бегают за папиросами и в конце концов лезет в окошко? Ему выгодно. Мальчик не тянется к учению, но любит мелкошорничать, спогрнать рожу, переарывать, подгнать чужую слабость. Его извлекается все так хорошо, весело, легко, а что вышло? И вот затерялся, растворился беспобавный парень. Он уже Акула. Акула не озорует на улице. Он там дела делает. И подбирает нужный человеческий материал. Но младших. Иоторыми можно помыкать, атагивать и посылаться: «Развейся-ка мне ботинки, Паташона», «Постой на стремя, Паташона», «Продель в это окошко, тебе, худому, удабно!»

И вдруг все меняется. Замахнувшись больше нельзя трогать. Потому что дело не ограничивается ответной затрещиной за обиду или наемщику. Грохот

вещь, — верное доказательство, что о грузе он не подозревал. Зато вас, Олег, это изводило сверху вниз.

— Мне везло было найти золото и вернуть его государству.

— Знаю. Поэтому вы и решились с большим опозданием довериться Калугину. Как вы восприняли ваше сообщение?

— Он был поражен.

— Наверно, сообщение ваше не только изумило, но и обрядовало Калугина? Ведь у него от сложки, что в машине лежало, тогда, в сорок первом, судьба его могла сложиться совсем иначе, соблазн был бы слишком велик. Помогая вам, он не предлагал, что делает дело уже не лично, а государственное. Он поверил вам и одновременно поверил в то, что Матвей не уйдет извлеченного золота. Вы же поверили, потому что знали, что летчик не погиб в машине, а спускался с парашютом и успел поблать на месте катастрофы. Следовательно, он мог спрятать груз. Где? Ключ к разгадке лежал в кармане Калугина. Об этом я узнал от Коли.

Гегр повинулся побуждению.

— Это вы про портсигар, Игорь Николаевич?

— Да. Когда ты отдал его Калугину?

— Сразу, Игорь Николаевич, как вернулись мы с Колькой, я сперва к Михаил Михайловичу зашел. Говорю, так и так, лавина, значит, мостом тут лежал, и пройти можно, хоть и трудно, а там самолет, здесь, значит, и скелет лежит, а в кармане у него, значит, где карман был, эта штука. Я его поднаря малость.

— Ты прочитал надпись в портсигаре?

— А то как же! Клява, значит, ему подарил. И еще буквы там. Я по-думал, обмысленные орнаменты, но подумал, что здесь...

— Исно. Что сказал тебе Михаил Михайлович?

— Говорит, оставь, Матвей, мне покамест, потому что парень этот с бородой тут ищет, и в газету писать хочет, и про тебя, про меня, значит, напишет, но потом, а пока все не нашло, не нужно говорить, чтоб не помешать сбору материалов, что ли...

— И ты больше никому о портсигаре не сказал?

— После — нет.

— Разрешите спросить мне, — вмешался Олег. — Когда Калугин сообщил тебе о золоте?

— В жизни никогда не говорил.

— Это натаяв ложь! Он спросил: нашел ли ты золото в самолете?

— В жизни не спрашивал. Не сойти мне с места.

Матвей оставил спор.

— Успокойтесь! Калугин спрашивал о находке у Николая, который ходил сюда вместе с отцом. Он ведь не говорил вам, Олег, что беседовал с Матвеем. Он сказал только, что Филипенко золота не брал. Ведь Матвей вряд ли отдал бы портсигар, если бы понимал, что значит нацарпанные там цифры.

— Это явно! Не понимаю, зачем вам так укорно выгораживать Филипенко? Предложим, он отдал портсигар. Но с мальчиком-то разговор был! Или вы думаете, что сын ничего...

— Крутая, Олег! — нетерпеливо поднялся Валерий. — Оставь Матвея в покое. И так надуешь. Протри очки и успокойся.

— Не горячись, Валерий, — предостерег Матвей.

— Ивините, Игорь Николаевич! Спасибо, что вы этот клубок распутали. Мне трудней всех пришлось. Не умею, значит, что рядом мой отец лежит. Страшно встать и подойти. Но не сомневался, что мысли и жизни Михаила Михайловича были такими, как вы рассказали. Все это я видел, чувствовал, но не знал... Вы же понимаете... Он тоже мне отцом был. И я от него не отступил. Но почему вы про того, кто дважды отдал убил, молчите? У вас система, доказательства... я понимаю... Но мерзавец ускользнуть может!

— Нет, Валерий. Он умер.

— Умер?! Я видел его, когда садился в вертолет.

— Ты видел Кулишарева, а не Паташона. Это разные люди. Так и сказал тебе Михаил Михайлович. А ты не понял, решил, что Паташон скрывается под личиной Кулишарева.

— Неужели же?..

— Именно так. Паташон — Демьянич. Остальные его клички и имена уточнит Дмитрий Иванович.

— Но его ж убил... Неужели я?

— Нет. Однако можешь считать, что ты с ним расквистал. Больше того, удар этот, я полагаю, спас твою собственную жизнь. Постарайся аргументировать... Олег вспомнил, как Михаил Михайлович узнал о спрятанном грузе. Но как узнал о нем Паташон? Сам он сказал мне, что они встретились на базаре в Трутовске. Художник Калугин и...

Демьянич. Между прочим, самые отчаянные, беспашающие преступники старательно некуты к старости о своем здоровье. Может быть, они понимают, что это, собственно, чудо — то, что они дожили до старости, и стремятся продлить его до возможности. Паташон же беспашаностью никогда не отличался, а здоровьем похвалиться не мог. Поэтому его обращение к природе не так уж загадочно. Объяснима и склонность к замороженной философии. По-своему и он пытался осмыслить прожитое, хотя и не увидел в жизни ничего, кроме «муарой беспощадности», как он мне доверительно сообщил. Так или иначе, старость пришла, он издался, возможно, ему казалось, что и в самом деле с мирской суетой покончено, заволжился с пчелками не без пользы — и доход и медок целебный...

Обычная тишина! Такой человек не способен измениться. Без малюго подвеса преступной жизни не ошибка молодости. Да и вряд ли Паташон сомневался о прошлом. Он не стал другим, он только растерял зубы. На беду, не все.

Калугин, очевидно, не сразу узнал Паташона. Это не удивительно. Не виделись они десятилетия, а знали друг друга недолго да и выглядели в то время по-другому. У Паташона же память оказалась лучше. Сказалась воляя завлака, летняя в бетах, радуживать некогда, и врага и своего узнавать с ходу нужно, а то головы не сосчитал! Однако и он сомневался. И если б Калугин по пироте характера не пригласил насечника в Дагестан, возможно б, и общелось...

Но вошлалы контакты, появились время присмотреться. И Паташон убедился — о! Что же делать? Умнее было бы отойти от греха и молчать. Нет! Не та он личность. Жадая похвалиться и не только похвалиться — покуражиться, помучительствовать, испытать садистское наслаждение, понадеваться над беспомощным, попавшим в капкан человеком — вот что подмывало Паташона. И тактику он выбрал подлостью: объявляться не открыто,

— Теперь ясно, что он не разбегался вместе с лавиной, а выпрыгнул с парашютом.

нено, маслянистые волосы. Это ужейная смазка. Паташон затирал платком отпечатки пальцев. Ружьем Калугин, как известно, пользовался редко, и оно было обильно смазано. Протерев после выстрела ствол и приклад, обильно смазал так же и малую куртку. В отделе подполковник второй раз положил в бумки. Существовали, он или понаблюдил, или вполне резонно предположил, что в карманы заглядывать не будут. Так или иначе, Паташон повесил куртку в прихожей, не упустил маленькую деталь.

— Я понял, Игорь Николаевич! — прервал Валерий. — Его куртка висела рядом с моей. Куртку, как две капли. Я пошел на платок, взял его и понаблюд... Ведь тут скакали о смерти отца. Не до платка было. — Но ты наверняка доставал его! А Паташон это видел. Нетрудно представить его состояние. Ему известно, что отец говорил с Валерием. Что он узнал славы? Валерий же выкатился из его кармана важнейшую улику. Разве такое может быть случайным? Наконец, Валерий не скрывал от насничка свою неприязнь. Истинно такую. Но откуда ему было знать истоки неприязни? Правда, Валерий медлит, не действует. Но что на уме у этого неуравновешенного парня? И как поведет он себя, когда появится милиция? Нет, милиция дождется нас! И как же! Нужно складать и безжалостно ударить тоже хитро, однако и удачные замыслы не всегда осуществляются как по маслу, а тем более два подряд. Решено было застрелить Валерия из карабина Филиппико, оставить на месте выстрела гильзу и отвести опасность еще дальше, залезав на новое челоуека. Я сначала — застрелить Валерия, и в этом-то и заключалась радгадка непонятного. Паташон отпустил не за мной Хизина, где ты обычно окопачивался, и ослабевшее стариковское зрение — вот что определило ошибку.

Матвей, разумеется, был смущен. Сначала старик завел его карabin с несобранной винтовкой. А это у него покупалось только в магазине. Паташон использовал на коронном актерском уроне. Потом Коля приобит: стреляй! Нервы у тебя слали, Матвей. Наудача с пулей.

— Точно, Игорь Николаевич, — согласился егерь радостно.

— Но смей тебя, да ты залучил. В упиточничкейной для меня форме, правда. Николай загнил ответственно: «Моя папка бы промахнулся!» Как ты на этот счет, Матвей?

— Да наврал. Игорь Николаевич.

Вос замеслялся.

— Ишь, гад, какову он сеть на меня запустил! Он, значит, убивать будет, а меня в споруют!

— Возможно, тебе грозило кое-что и похуже. Планы Паташона на твой счет были обширнее и хитрее. Из чего он исходил? В самолете было золото, но его не нашли. И не найдят, раз Калугин мертв, а портрет захвачен. Следовательно, нужно выматать, пока улетает шум, и забрать все спокойнейшим. Но как? На иппике склад не добрался, и иппике склад не споткнулся. Не для Паташона эта дорожка. А Матвей может. Вот ему то кнут, то пранки. Залучил, и сапоги слороам. Понимай, мол, с каким челоуеком дело именов! Нужен ты ему был, Матвей, чтобы пробраться сюда за золотом.

Не сказал он, Игорь Николаевич, но наемал, точно. «Выгодное дело знаю. За меня держись, не пропущу...» Такое иппе.

— Ну а что жалко тебя, догадаться нетрудно. Делиться и оставлять свидетеля было не в правилах Паташона. Однако вернемся к Валерию. Замысел преступника не удался. Возможности свои он переценил: глаза у него не те, да и руки. В меня не попал как следует. Между тем отведенное ему время истекало. Покуда удерживался. И хотя Паташон при любой возможности намекал на твою «вину», Валерий, подтертый не могло лишь «самоубийство» или по крайней мере несчастный случай, похожий на самоубийство залушавшегося, мучимого совестью пьяного челоуека.

И вот с бутылкой и двумя пластмассовыми стаканчиками в кармане Паташон идет к тебе, Валерий. По пути захват сапоги Матвею, захрепел зачатую итритру, залучил еще одно полушубка: если кто и обратит внимание на его ночные переменаица, он был у Филиппико. Нельзя отказать этому мерзавцу в умении запугивать, следы. Непотрещался Олег с Галиной. «Куда, дедушка?» «К Матвею». Складно! Но не знал он, что трудится в этом месте человек, челоуеком которого Паташон при любой возможности заблудился он в своем порожденном безумным перелетением страха и жадности фантастическом мире. Нет, я не считаю его сумасшедшим. По своему он был нормален, и оставаясь жив, ответил бы перед судом без скислов. Но с точки зрения челоуека, существовавшего в этом мире, он был «нормальным» поведения Паташона не приходится. Его приходится только опасаться. Однако ты был далек от этой мысли, Валерий...

— Мне было противно.

— И ты отказался пить самогон?

— Самогон?

— Да. В бутылке была не водка, а спирт. Градусов семидесят с гаком. Хлебную стонку такого пойла, ты уже, будучи пьяным, наверняка свалился бы с ног. Что и произошло. Но догорела, забитая угольями...

Валерий с силой хлопнул себя ладонью по лбу.

— Я знаю, когда он прикрыл трубу. Я выхлудил...

— Теперь ясно. Потому что при тебе захрип залучил было все-таки рикисованю.

— Я выхлудил. Появление этой мерзкой рожи подействовало на меня отвратительно, но хотелось собраться, зачем он явился. Я вышел и протер лица светом.

— А он тем временем задвинул заслонку. Он взял носовой платок.

— Платок вылезал.

— Паташон использовал его в последний раз. Это был практичный челоуека. И он не собрался оставлять отпечатки пальцев на заслонке. Вот откуда сажа на платке. Тогда ты вернулся, он не успел его спрятать, сжал только в кулак!

— И заволял: «Останься тебе водочку, Валера, сам я выпьющий. Пойду, если серднишься...» Я ему: «Забери бутылку!» Он: «Как хочешь, а напосею перебрегаешь стариком...» Ну и намекул, сказал гадость... Вы знаете, Удари я его. Но убивать не хотел.

— Ты и не убил. От такого удара не умирают. Но, падая, он ушибся затылком о спинку кровати и потерял сознание. Этого оказалось достаточно. Удар начал действовать.

Вот мы все вместе и разобрались. Буду рад, если мои наблюдения пригодятся следователю.

Станислав ЛОБАНОВ,

Андрей ЧУМАКОВ,

мастера спорта, сортирники Всесоюзного научно-исследовательского института физкультуры

Итак, продолжаем занятия на стадионе «Смель». Второе занятие посвящается лыжам.

Первые шаги на лыжах даются не просто. Тем, кто еще ни разу не вставал на лыжи, предлагаем выполнить сначала специальные подготовительные упражнения. К сведению тех, кто считает себя лыжником: эти же движения будут для них хорошей школой совершенствования техники.

Для начала вы должны освоить основное положение лыжника.

ЗАНЯТИЕ ВТОРОЕ

УПРАЖНЕНИЕ 1.

ПОЛОЖЕНИЕ НА СОГНУТЫХ НОГАХ

Ступни поставьте параллельно, расстояние между ними — ширина одной стопы. Согните ноги в коленях, туловище слегка наклоните вперед. Пятя от пола не отрывайте. Теперь посмотрите на колени — они должны быть на уровне бедер. Это и есть посадка лыжника.

Повторите упражнение 10—12 раз.

УПРАЖНЕНИЕ 2.

ПРИНЯТИЕ ВВЕРХ С ПОСЛЕДУЮЩИМ ПРИНЯТИЕМ ПОСАДИ ЛЫЖНИКА

Для закрепления первого упражнения выполняйте из посадки лыжника прямые вперед и снова принимайте исходное положение. Повторите это упражнение 8—10 раз и командой раз повторите правильность выполнения посадки.

Теперь приступим к разучиванию небережного двухшагового хода, наиболее распространенного в лыжном спорте.

ИГРАЮТ ЧИТАТЕЛИ

1476 читателей из самых различных районов страны стартовали в декабре — январе в зональных шахматных турнирах, организованных нашим журналом. В первом из них — 162 (!) турнирные группы. В двенадцати турнирах соревновались только кандидаты в мастера и первоартисты. В восьми соревнованиях включились и многие читательницы «Смелых». Часть из них составила три четные женских турнира, а остальные — четыре «соловья» в мужских группах. Соревнования проводились достаточно долго (в среднем 15—18 месяцев), и мы намерены регулярно информировать читателей о ходе борьбы.

Многие любители шахмат с опозданием сообщили нам

о своем желании играть в турнирах по переписке. К сведению опоздавших: новый индекс вышедших соревнований читателей «Смелых» предполагает организовать турниры переписки.

ДУЭЛЬ НА ПЕРВЕНСТВЕ СТРАНЫ

Очередной шахматный чемпионат СССР выиграл в дуэли между республиканским чемпионом СССР, одним из сильнейших игроков мира, ленинградским гроссмейстером Виктором Корчной, и 24-летним чемпионом Украины одесским мастером Владимиром Гукашвиным. В итоге Корчной завоевал золотую медаль, а Гукашвиным — серебряную и гроссмейстерский титул. Оба шахматиста играют с большим подъемом. Это подтверждает пример из их партий.

УПРАЖНЕНИЕ 3. ИМИТАЦИЯ ДВИЖЕНИЯ НОГ ЛЫЖНИКА

Примите посылку лыжника. Теперь, сложив левую ступню по полу, отвешивайте ее назад, как бы выполняя отталкивание. Сделайте небольшую паузу и проверьте положение ног: правое колено должно закрывать носок, левая выпрямлена нога — сразу, на носок.

Не спеша, приставьте левую ногу и выполните отталкивание правой ногой. Снова сделайте паузу и проверьте правильность принятого положения.

Выполните 10—12 упражнений каждой ногой, делая небольшую паузу после выпрямления ноги назад.

УПРАЖНЕНИЕ 5. ИМИТАЦИЯ ОСНОВНОГО ЛЫЖНОГО ХОДА В СОЧЕТАНИИ С ДВИЖЕНИЯМИ РУК

Итак, вы познакомились с посадкой лыжника и основным лыжным ходом. Повторяйте ежедневно эти упражнения и, если у вас повелась уверенность в точности и правильности выполнения движений, смело берите лыжи и выйдите на снег. Сначала попробуйте походить по снегу без палок. Добиваясь, чтобы шаг был широким, а скольжение на одной ноге продолжительным. Затем приступайте к разучиванию до конца поворотов и к лыжному ходу с палками. Сюда некоторое время у вас появится автоматизм в выполнении основного хода, и тогда вы в полной мере почувствуете

Примите положение лыжника. Теперь выполните отталкивание левой ногой, перекиньте ти́мперет на правую ногу. Сделав небольшую паузу, скользящим движением всей ступней выведите левую ногу вперед, добиваясь точное положение правой ногой назад. Теперь теми же скользящим движением выведите правую ногу вперед, отталкиваясь левой ногой назад. Проведя таким образом, выполните 20—25 раз это упражнение. Сохраняя положение лыжника на согнутых ногах. При сползании давите ступней ногой не носком, а носком вперед.

УПРАЖНЕНИЕ 4. ИМИТАЦИЯ СКОЛЬЖЕНИЯ

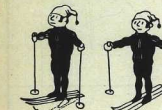
Примите положение лыжника, руки опустите свободно вниз. Выполняя точное движение левой ногой назад, отвешивайте левую руку назад, а правую — вперед. Сделайте скользящий шаг левой ногой вперед и повторите положение рук.

Повторите это упражнение 20—25 раз. Выполните: движения палками назад должны быть тоже точными. При шаге с правой ногой отталкиваются левая палкой, при шаге с левой — правой.

удовольствие от лыжных прогулок. Чтобы поехать быстрее, нужно сильнее отталкиваться, а после толчка можно приподнять задний конец лыжи. Рука с палкой должна выноситься вперед почти прямой, а ставить палку нужно рабко со ступней. ПЛАЧКА СЛУЖАЕТ ДИ ДИ ОПОРЫ, А ДЛЯ ТОЛЧКА. Отталкивайтесь, нажимая рукой на палку так, чтобы рука и палка составляли одну линию.

Но не уславивайтесь, вы освоили далеко не все премудрости лыжного спорта. Предлагаем еще два упражнения, которые можно разучить на лыжной площадке.

УПРАЖНЕНИЕ 6. ПЕРЕСТУПАНИЕ

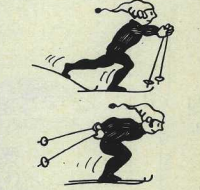
Станьте на лыжах прямо. Приподнимите левую лыжу, поставьте ее влево и поставьте лыжу на снег. Перекиньте ти́мперет на правую ногу. Вы сделав самый простор поворот на месте — поворачивание, попробуйте выполнить его, ссылаясь на ступню правой ноги. Переступание вправо вы освоите сами, без нашей подсказки. Переступая с ноги на ногу, отталкивайтесь назад. Если вам трудно выполнить другой поворот, сделайте несколько переступаний.

УПРАЖНЕНИЕ 7. «ПОЛУПУЛГ»

Ссылаясь с нерудтой горни, вы захотели повернуть вправо. Для этого лыжи разверните левую лыжу пяткой влево и немного наклоните ее назад, так, чтобы левым ребром лыжи вы упирась в снег. Таким же способом, упиравсь в правую лыжу, попытайтесь повернуться влево.

Теперь вам предстоит разучить еще один лыжный ход, который следует пользоваться в чрезвычайных уже знакомым попеременным двухшажным. ЭТОТ ХОД НАЗЫВАЕТСЯ ДВУХШАЖНЫМ ОДНОВРЕМЕННОМ. НИМ: на первый скользящий шаг лыжник выносит вперед палки, на второй шаг — отталкивается обеими палками одновременно. Он дает высокую скорость, и лыжник, хорошо владеющий техникой двухшажного одновременного хода, будет иметь при хорошем скольжении заметное преимущество в беге.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПАДЕНИИ И СПУСКАХ. В первое время падать вы будете часто, а это тоже нужно уметь: падать равномерно, вы рискуете наткнуться на них и получить сильное повреждение. Спускаться с гор следует, слегка согнув ногу, наклонившись и выходя вперед. Руки держите чуть согнутыми около коленей так, чтобы палки находились сзади.

КАК ТОРМОЗИТЬ? РЕКОМЕНДУЕМ ДВА ПРОСТЫХ СПОСОБА: 1) «ТОРМОЗ» — выдвигаете пятками, разведя задние концы лыж в стороны, а сами лыжи слегка наклоните вперед. 2) «УБОРОМ». Одной ногой упереться в ступню движением и развернуть ее вонувреть.

ПОКУПАЯ СЕБЕ НОВЫЕ ЛЫЖИ, ОСМОТРИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ ПРАВИЛА:

1. Длинну лыжи выбирайте по формуле: ваш рост (в сантиметрах) плюс половина вашего веса. Таким образом, если ваш рост 170 сантиметров, а вес 70 килограммов, то ваши лыжи должны быть не менее 205 сантиметров (170 + 35). Можно воспользоваться и более простым способом — поставить лыжу рядом с собой и поднять руку вверх. Верхний конец лыжи должен находиться на уровне пальцев поднятой руки.
 2. Лыжи не должны иметь продольных искривлений и поперечных перегибов. При покупке проверьте поперечности лыж друг к другу. Весовой перегиб должен составлять 3—4 сантиметра.
 3. Выбор палок тоже связан с ростом лыжника: поставив палки рядом, они должны доходить до появившихся.
- Настоящие спортсмены придают большое значение смазке лыж, у многих имеются даже собственные рецепты, а выражение «попал в мазь» считается в лыжном спорте синонимом слова «попал». Вам, конечно, раноато изучить ее секреты мазей, ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ГОТОВЫМИ СОСТАВАМИ, продающимися в спортивных магазинах, но учтите: это обязательно температура воздуха и снега, солечность, рельеф местности.
- Мазь наносите на совершенно сухую и чистую поверхность (носок, желобок, боковые ребра). Чтобы избежать проскальзывания лыжи назад при отталкивании, на центральный носок мазь не наносите. Настоящие спортсмены прибегают к мази, предназначенной для более мягкой погоды.
- Нанесенный слой мази растирайте в комате пробой ших рукой, на охладите минут 10. Выступающие лыжи должны быть охлаждены на воздухе в течение 10—15 минут.
- Освоив технику лыжных толков, попробуйте сделать выстукивание краем. МУЖЧИНЫ — 5 КИЛОМЕТРОВ ЗА 25 МИНУТ, ЖЕНЩИНЫ — 3 КИЛОМЕТРА ЗА 18 МИНУТ.

сыгранных в первенстве страны.

В такой позиции пришла партия, сыгранная соперниками между собой. Неизданная жертва ферзя, предложенная Тукмазовым, которую руковоид белыми — Гингуриани, не может не вызвать восхищения.

21. Ф: h6! Фb4. В случае принятия жертвы белые вы-

игрывали форсированно. Но и сейчас их атаку развернуть следует стремительно.

22. Фb4 e Кр7 23. Ф: g7 Ф: c4 24. h6! С: d4 25. Ф: c3 26. Са3 e Кр7 27. Лe1 Кр7. Король черных вынужден приставлять, но даже такой материальных потерь не изводит его. Наступление белых оставить невозможно.

28. С: c5 Ф: f4 29. Ф: Кр6 30. Сe4 Ф: f4 31. Кр: e5 К: f5 32. Ф: f4 К: Кр3 33. h4! Марш этой пешки окончательно перевернет баланс черных на стороне белых.

33... Сb5 34. Лe1 + Сb6 35. Ф: d4 К: f5 36. Ф: d4 К: c6 37. К: c6 38. Фb4 + Крb3 39. Кр: d4 К: f5 40. Фb4 f4 41. Дe1. Черные сдаются.

Коротко вкратце полюбознанию приведу борья в партии. Вот с ней связанное происшествие. Впервые в истории после 14-го хода белых. Серия тонких маневров игра-

вший черными Корчной добился подавляющего перевеса. Причем противник не сделал ни одного заметного промаха.

14... Сb6 15. Лf3 b5 16. Ф: d4 17. 0-0 Кb5 18. Кe2 Фd7 18. Фd4 c5! Одновременный нажим на обоих флангах оставляет мало шансов на успешную защиту.

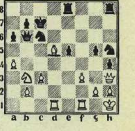
19. К: c3 20. Л: e2 21. Фc3 f3 22.

ef 3 f3 23. Кf3 Лf7 24. К: h5 К: h5 25. c5 Лf3 26. Фd4. Следует злганная заключительная комбинация.

27... Л: f3 27. d7 Ф3. Белые сдались.

ДИНАМОВЕЦ ВЫИГРЫВАЕТ КУБОК

Мы уже рассказывали читателям о «Смелых» о победо-22-летней москвичской студентке — Иришке Востриковой. Динамовец из Кукбок СССР по шахматам среди женщин — Иришка — не почитая в сборной у мужчин завоевал в финале престижного динамовского турнира в Бронницах. В финальном матче динамовец — Иришка одержал верх над признанным армейцем А. Шитовым. Игра быстро захватывала: тактические достоинства похвально — ему удалось определить шею соперника — Иришки — в нескольких оных мастеров.

В такой позиции свелась партия по шахматам между А. Шитовым и одесским мастером М. Иришкой. В том месте 27-го хода белых. Игранный черными армейцем Шитовым ход, быстро создал решающие угрозы.

27... Лf3! 28. h4 h2 29. a5 Фb5 30. С: c6 b6. Белые сдались.

Знаете ли вы, что, стремясь угодить все возрастающему жаждущему к знаниям, печатные органы уже много лет подряд сообщают весьма любопытные факты под рубрикой «Знаете ли вы?».

Обычно должны отметить, что публикуемые сведения всегда достаточно интересны, а порой даже вызывают сомнения в их достоверности. Вполне возможное злостное обострение, мы решили дать нашим читателям абсолютно верную и заманчивую информацию, сообщаемую нам человеком, который утверждает, что знает все и совершенно точно.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ?

...Что молоко в коровах было обнаружено лишь в 1347 году. До этого животного использовались только на мясо.

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

Феликс КУРИЦ

Пародии

...Что физик Бойль, испытывавший материальные затруднения, был вынужден жениться на богатой графине Маринотт, а после открытия им известного ныне закона тщеславная бездельница настояла, чтобы он присоединил ее фамилию к своей.

...Что жители Галапагоса вместо автомобилей используют слоновых черепух. Скорость их, правда, невысока, но и остров навелики.

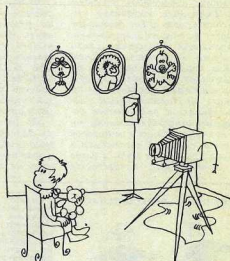
...Что американский писатель Сидней Портер взял псевдоним С. Гэрири после того, как однажды какой-то прохожий, видимо, обзавидавшись, обратился к нему с восклицанием: «О, да это никак Генрири!»

...Что идея написания балета «Спартак» зародилась у А. Хачатуряна на стадионе «Динамо» во время матча между командами «Нефтьчи (Баку)» и «Крылья Советов» (Куйбышев).

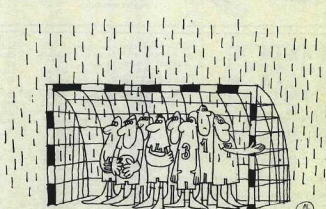
...Что слово «театр» произошло от греческого слова «театра».

...Что до изобретения бумаги трамвайные билеты делались из кожи. Что... и т. д. и т. п.

Рисунок Владимира ИВАНОВА

Рисунки Андрея НЕКРАСОВА

Музыка Бориса Гравовского

Музыка Бориса Гравовского

НЕ СПИТЕ, ПАРНИ

Слова Михаила КРИВИЦКОГО

Музыка Бориса ГРАВОВСКОГО

Молчат радисты океана,
Но тишина не молчалива.
Из слепот, парни, в час тумана
Близик нейтрального пролива.

Привеи:
Не спите, парни, на рассвете,
Вам это слышать не впервые.
За утро доброе на свете
Мы отвечаем, молодые.

Когда туман скрывает по реям,
Тогда бывает в море вясло.

Беда не носит в это время
Однозначительного знака.

Привеи:
Пусть камни слягут во мгле тумана,
Они живут, ни с чем не споря.
А вы не спите утром рано,
Когда пахнет тревогой с моря.

Привеи:
Не спите, парни, на рассвете,
Вам это слышать не впервые.
За утро доброе на свете
Мы отвечаем, молодые.

КРОССВОРД

Составил В. ЛЕПКИН, г. КУНГУР

По горизонтали:

1. Повесть А. С. Пушкина.
4. Рели на Северном Полюсе.
8. Охотничья собака.
9. Город в Волгоградской области.
10. Цитат на севере США.
11. Наука о живой клетке.
13. Немецкий фильм.
15. Автор романа «Американская трагедия».
17. Драматическое произведение Ж. Расина.
19. Греч. род.

22. Народный художник СССР.
23. Общепризнанный писатель, деятель науки, истук.
26. Перепись между отдесскими комиссера.
29. Отелло педальчик.
30. Рассказ А. П. Чехова.
31. Советский космополит.
32. Союз соли.
33. Прометийский сооружение.
34. Тригонометрическая функция.

По вертикали:

1. Город в Великобритании.
2. Стихотворная форма.
3. Один из героев романа М. А. Шолохова «Они сражались за Родину».
4. Древнегреческий драматург.
5. Химический элемент.
6. Один из Курильских островов.
7. Род примыкающих друг к другу клеток.
11. Прозрачный пластичный материал.
12. Персонаж оперы А. П. Бородина «Князь Игорь».
14. Пила с одной рукоятью.
18. Краткая газетная корреспонденция.

17. Тропическое дерево.
18. Советский боец, народный герой.
19. Награжденный почетным званием Ленинского комсомола.
21. Применение и закрепление теоретических знаний студентами.
23. Музыкальный инструмент.
24. Деталь часов, измерительных приборов.
25. Хвойное дерево.
28. Строительное сооружение.
31. Итальянский композитор.
34. Дамба.

6	В	О	С	Т	Я	Е	У			С							
					П		Н										
9					У		У										
					У		У										
13					У		Н		А	С	Р	О	В	А	С	Е	П
					Я		А										
16					В		А			С	Е	В	Е	С	Е		
					В		А										
19					А		Т										
					А		Т										
22	А	Т	У	Е	У		К		В	А	Т	А	К	Т			
					Т		Т										
30							Р	Е	У	К	У	О	В	У			
							Р	Е	У	К	У	О	В	У			
37							А								О	С	У

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД. НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали:

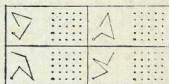
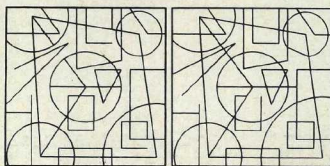
6. Помилуйский.
8. Паранет.
9. Примула.
13. Репня.
14. Кожуш.
15. Ангар.
18. Вештук.
19. Овини.
20. Базисман.
22. Шахматист.
26. Парсел.
27. Отпаис.
28. Лотос.
29. Осени.
30. Разин.
33. Шкопан.
34. Испания.
35. Полинезийцы.

По вертикали:

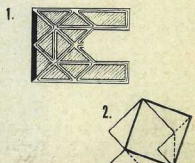
1. Лобан.
2. Тяжеловоз.
3. Остроухов.
4. Фирма.
6. Магистр.
7. Киливер.
10. Регенератор.
11. Перезаправка.
12. Партизанка.
16. Луковико.
17. Кошпик.
21. Застоя.
23. Хрусталик.
24. Ильинский.
25. Паланца.
31. Фотон.
32. «Пяицы».

5
НА ДРАЗ
МЫШЛЕ
НИТ

1. Найдите в этих двух рисунках десять отличий.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 2

2. В каждой из означенных квадратов попробуйте нарисовать фигуру, изображенную рядом. Рисуйте начните с крупной точки.

НЕОЖИДАННЫЕ МАТРЕШКИ

Русская матрешка. Самолюбивый и, бесспорно, самый популярный наш сувенир. Красочная, народная, загадочная... В самом деле, попробуйте отгадать, что там внутри? Или сколько их? Три, пять, а может, двенадцать таких же красочных, нарядных. Но сюрприз ждет вас не только внутри этих неповторимых кукол. Неожиданными могут быть и сами матрешки. Вылинные витязи... Тарас Бульба с сыном... И даже целый цыганский ансамбль. Все эти матрешки обитают в Загорске, но вновь открываемся музею русской народной игрушки.

Александр ШПИКАЛОВ,
фото автора

Первая русская матрешка. Москва, 1890-е годы. Художник С. Малютин.

Тарас Бульба и сын его Остап. Сергеев Посад. 1909 год. Художник Н. Берtram.

Цыганский ансамбль. Начало XX века. Автор неизвестен.

Вылинные витязи. Сергеев Посад. Начало XX века.

Стелан Ралин, княжия и стюнички. Сергеев Посад. Начало XX века. Мастер Бусмигин.

